

ШАЦИЛО В.Т.

ЛЕСОГОРСКИЙ ШИФР

ЗАПИСКИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ

Владислав Шацilo

Лесогорский шифр

<https://litres.ru/74643539>

SelfPub; 2026

Аннотация

В начале 2000-х в провинциальном Лесогорске молодой следователь Дмитрий Лаврин вступает в смертельную партию против маньяка «коллекционера». Серия убийств шахматистов сопровождается загадочными буклетами с шифрами. Каждое убийство — новый ход, где на кону жизни и честь города.

Содержание

Глава I . Кровавый дебют	4
Часть 1. Утро, которое началось ночью.	4
Часть 2. Линия раздела.	24
Часть 3. Одиночество в квадрате.	32
Часть 4. Учитель.	37
Часть 5. Прощальный салют.	40
Часть 6. В кабинете у Седых.	43
Часть 7. Тетрадь Кузьмича.	50
Часть 8. Октябрь. Будни отдела.	52
Часть 9. Совещание СОГ.	56
Часть 10. Второй ход. Октябрьский «Торт».	63
Часть 11. Ноябрь. Будни отдела.	85
Глава 2. Вечерний эндшпиль	88
Часть 1. Послание из темноты.	89
Часть 2. Свидетель из третьего корпуса.	99
Глава 3. Тупики и просветы	108
Часть 1. Запах хлорки и пороха.	109
Часть 2. След крови и разбитые стекла. Тупики и просветы.	113
Часть 3. Осада продолжается.	121
Часть 4. Омут по имени Любовь. Новая встреча.	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Лесогорский шифр

Глава I . Кровавый дебют

Часть 1. Утро, которое началось ночью.

Всё началось 24 сентября 1998 г. в 01:37.

Звонок в дежурной городского отдела МВД зазвенел резко, неожиданно. Дежурный по отделу записал время машинально — 01:37. Голос врача скорой в трубке был усталым, но ровным:

— Мужчина, пятьдесят два года. Без сознания. Реанимационные мероприятия без эффекта. Смерть констатирована. По документам это Сергеев Пётр Кузьмич, по словам жены — следователь отдела милиции.

Слово «следователь» дежурный слышал особенно отчётливо. Он посмотрел на часы ещё раз, будто от этого что-то могло измениться.

— Понял. Адрес ...Да, записал.

Дежурный по городскому отделу милиции снял трубку внутренней связи и набрал дежурного прокурора: — ЧП. У себя дома, на улице Ленина, скорострительно скончался

следователь прокуратуры, подполковник Сергеев Петр Кузьмич. Врачи «скорой» констатировали смерть. На место выехали оперативные сотрудники.

Дежурный в ответ из прокуратуры услышал подтверждение, что сообщение принято, дежурный следователь выезжает.

Он положил трубку, пару секунд посидел, глядя в пустой стол, потом потянулся к другому номеру.

Начальник отдела уголовного розыска (УгРо) взял не сразу — сонный, хрипловатый голос:

— Да?

— Товарищ майор, это дежурный. Он сообщил о смерти следователя Кузьмича. Дома. Адрес такой-то. Врачи на месте и прокуратура уже поднята — следователь выехал на место самостоятельно. Пауза была короткой.

— Выезжаю, — сказал начальник УгРо Руденко и отключился.

Дежурный позвонил следователю отдела лейтенанту Лаврину о смерти старого следователя отдела Кузьмича.

Лаврин тут же выехал.

Пока оперативная группа под руководством начальника УгРо майора Руденко срывалась с места, следователь прокуратуры Евдокимов уже одевался, на ходу застегивая пальто, чтобы успеть на место происшествия одновременно с милицией — процессуальный закон требовал, чтобы осмотр по факту смерти проводил именно прокурорский следователь.

Ночной выезд занял у Руденко меньше полчаса. Подъезд, дверь в квартиру была открыта. Усталые врачи, запах лекарств. В прихожей, опершись о косяк, стоял следователь прокуратуры майор Евдокимов — в неизменном строгом костюме, несмотря на ночной час, сдержанный и сосредоточенный. Рядом с ним, бледная, застывшая от горя, в халате стояла вдова, Мария Степановна. Она беззвучно кивнула начальнику УГРО, не в силах говорить, и лишь указала рукой вглубь квартиры.

Кузьмич лежал на полу, аккуратно уложенный подоспевшими медиками. Никакой борьбы, никакого хаоса. Врач «скорой» коротко повторил вошедшему Руденко:— Вызвали как «плохо с сердцем». Когда приехали — уже клиника. Реанимация без эффекта. Вдова сказала, прихватило мгновенно.

Врач закончил заполнять бланк констатации. Евдокимов молча кивнул понятым — двум привлеченным соседям, фиксируя глазами обстановку, после чего подошел к Руденко:

— Виктор Николаевич, осмотр первичный провели. Следов взлома нет, вещи на местах. Но сам понимаешь, оставлять это просто как сердечный приступ нельзя — возраст рабочий, человек опытный, вёл серьезные дела. Я оформляю протокол осмотра места происшествия по полной форме, как по факту гибели должностного лица.

Руденко кивнул, разделяя тревогу прокурорского следо-

вателя. Лаврин, бледный стоял рядом с Руденко. Умер внезапно его учитель. Он был потрясён. Вся тяжесть расследований теперь на нём А он не успел за эти три месяца ещё толком и освоиться. Евдокимов забрал у врача заполненный бланк, сверил подписи понятых и обратился к вдове, стараясь говорить максимально мягко: — Мария Степановна, извините, но процессуальный порядок требует вскрытия. Без судебно-медицинской экспертизы мы не имеем права выдать свидетельство о смерти. Машина сейчас будет.

Евдокимов передал бланки дежурному оперативнику, зафиксировал все данные в своем рабочем блокноте и, задержавшись на секунду у порога, бросил Руденко:

— Завтра с утра у меня в кабинете. Начнем проверку с его последних материалов.

Руденко коротко выразил вдове соболезнования и набрал дежурного: — Выезжал. Первичку сделал, врач «скорой» осмотрел — криминала по наружке нет. Протокол на руках, вдову опросил. Вызывай спецмашину, отправляем в морг на вскрытие. Утром буду.

— В морг, — добавил он уже для себя. — Документы у меня. Ну что Лаврин, давай домой. Завтра у Евдокимова.

Руденко вернулся домой, лёг и провалился в тяжёлый, прерванный обрывочный сон.

Сентябрь в Лесогорске не наступал — он медленно просачивался сквозь щели старых оконных рам влажным, липким холодом. Сумерки теперь падали на город слишком ра-

но, окрашивая улицы в сизый цвет безнадёги. Листва, ещё не успевшая опасть, застыла в тревожном ожидании; она знала, что обречена, и этот тихий шёпот увядания был слышен в каждом порыве ветра. Город жил по инерции: завод тяжело ворочал своими железными внутренностями, автобусы на остановках выпускали облака сизого дыма, а прохожие прятали подбородки в воротники, стараясь быстрее проскочить мимо заброшенных пустырей.

Утро 24 сентября .

Дежурной городского отдела милиции МВД посмотрел на часы: до смены ещё почти час. Только 7:10 утра.

А в 7:15 телефон дежурной части зазвонил снова.

Старый Пахомыч, дворник из тринадцатого дома, как обычно вывел свою дворнягу на пустырь за гаражами. Пёс, вместо того чтобы бежать к привычному кусту, вдруг замер, натянул поводок и глухо зарычал, глядя в сторону ржавых железных коробок Северной промзоны. Пахомыч подошёл ближе, ожидая увидеть пьяного или спящего бродягу, но то, что он увидел, заставило его трясущимися пальцами набирать номер дежурки.

— Дежурная часть, слушаю.

Голос был другой — бодрый, раздражённый:

— Это дворник. Тут у нас во дворе мужик лежит. Не шевелится. Я его не трогал....

Адрес, уточнения, привычные вопросы. Запись в журнале. Рука сама потянулась к кнопке вызова оперативной груп-

пы.

Дежурный, закончив разговор с дворником, быстро проверил адрес, записал время — 7:15 и сразу опять набрал начальника уголовного розыска майора Руденко -- первый номер, который должен был прозвучать в таких случаях:

— Товарищ майор, дежурный. Обнаружен труп во дворе, адрес такой-то.

Руденко ответил мгновенно, без лишних слов:

— Понял. Поднимай оперов. Я выезжаю.

Дежурный уже нажимал следующую кнопку.

— Котов, дежурный. Труп. Адрес такой-то. Выезжаешь немедленно.

— Принял.

Следующий звонок — Гринёву:

— Труп. Адрес такой-то. Выезд сейчас же.

— Есть.

Агаев ответил сонным, но собранным голосом:

— Понял. Выхожу.

Дежурный переключился на эксперта-криминалиста:

— Труп. Адрес такой-то. Выезд.

И только после этого набрал следователя:

— Телефон Лаврина залился трелью, когда он только сделал первый глоток обжигающего кофе. Коротко, требовательно — этот ритм он не путал ни с чем. — Лаврин слушает. — Дмитрий Олегович, доброе утро, если оно доброе, — голос дежурного капитана был сухим. — У нас «жмурик»

на Северной, за гаражным кооперативом. Дворник нашёл. Группа уже на выезде. За тобой машина выехала, будет через пять минут. Адрес такой-то.

— Еду.

Затем Дежурный по городскому отделу милиции снял трубку внутренней связи и набрал дежурного прокурора:

-- Дворник обнаружил труп на пустыре за гаражами.

Дежурный в ответ из прокуратуры получил подтверждение, что сообщение принято, следователь выезжает.

Следователь прокуратуры Евдокимов поднялся по тревоге без лишних слов. Накинув плащ, он быстро собрал портфель с бланками процессуальных документов и вышел к дежурному входу.

Своего постоянного транспорта у прокурорских следователей в середине 90-х вечно не хватало. После его звонка дежурному с просьбой заехать за ним дежурный милицкий «уазик» оперативной группы по дороге заехал к крыльцу прокуратуры, чтобы забрать его, возглавляющего осмотр места происшествия. В салоне уже сидел эксперт-криминалист Седов с оперативным чемоданчиком.

«Уазик» тряхнуло на разбитой грунтовке, и через пятнадцать минут машина уже зарывалась шинами в пыль за гаражным кооперативом.

Пока старая «Нива» следователя Лаврина подпрыгивала на ухабах разбитой дороги, начальник уголовного розыска города майор Руденко уже был возле найденного трупа.

На пустыре полыхал синий проблесковый маячок милицейской машины. Вокруг места происшествия сустились люди. Евдокимов выпрыгнул из кабины, поправляя на ходу плащ, и уверенно направился к огороженному периметру.

Там его уже ждал начальник УГРО майор Руденко, прибывший на пару минут раньше. Рядом топтались оперативники Котов и Гринёв, подсвечивая фонарями серо-землистый пустырь, а медэксперт Седов уже опускался на корточки возле тела.

— Здорово, Арсений Валентинович, — коротко кивнул Руденко, отряхивая руки от пыли. — Картина паршивая. Судя по обстановке, не сам дошёл.

Евдокимов молча пожал руку начальнику УГРО, Лаврину, окинул профессиональным взглядом мрачную панораму пустыря, тусклый свет фар и замерших у оцепления оперативников.

— Понятых собрали? — спросил следователь, доставая из кармана блокнот и открывая ручку. — Начинаем осмотр. Седов, что по предварительной причине?

Утро 24 сентября, 8:55.

Начальник милиции полковник Седых вошёл в здание чуть раньше девяти. Дежурный поднялся из-за стола, выпрямился и шагнул навстречу.

— Товарищ полковник, разрешите доложить.

Седых кивнул.

Дежурный отчеканил:

— В 7:15 поступило сообщение о трупe во дворе, адрес такой-то. Сразу сообщил начальнику УгРо майору Руденко — он выехал. Поднял оперативников: Котова, Гринёва, Агаева — выехали. Эксперт-криминалист выехал. Следователю Лаврину сообщил, за ним отправлена служебная машина. Он на месте.

Седых слушал внимательно, взглядом отмечая каждую фамилию.

Дежурный продолжил:

— И ещё...Сегодня ночью, в 01:37, скорая сообщила о смерти нашего следователя Кузьмича. Я доложил майору Руденко — он выезжал, первичку оформил. Тело доставлено в морг.

Сообщение по обоим случаям в районную прокуратуру уже передано, телефонограмма зафиксирована.

Седых на секунду прикрыл глаза. *«Как не вовремя...»* — мелькнуло автоматически. И тут же жёсткое внутреннее: *«Что это я? Друг умер. Старый товарищ. А я — “не вовремя”...»*

Он выдохнул, коротко кивнул.

— Машину к подъезду, — сказал он дежурному. — Поеду на место.

На месте осмотра.

Руденко коротко обозначил:

— Опера — со мной. Эксперт — к телу. Он перевёл взгляд на Лаврина, просто кивнул.

У гаражей было неуютно. Фары оперативной машины выхватывали из утреннего тумана ржавое железо и фигуры оперативников. Гринёв, зябко поводя плечами, шагнул навстречу следователю. — Вон там, под четвертым боксом, — Руденко кивнул в сторону тела. — Мужчина, лет тридцать на вид. Личность не установлена.

Молодой мужчина лежал на боку, подтянув колени, словно решил вздремнуть в этом сыром месте. Его лицо было пугающе безмятежным — ни испуга, ни боли, ни предсмертной судороги. Одет прилично, но как-то слишком легко для сентябрьской промозглости.

Лаврин стоял у тела, держа блокнот. Руки слегка дрожали — не от страха, от ответственности. Первый труп, где он — главный от милиции.

Евдокимов остановился в сторонке, давая молодому коллеге возможность войти в процесс, оценивая обстановку профессиональным взглядом прокурорского надзора. Руденко подошёл тихо, как будто боялся спугнуть хрупкое равновесие.

— Ну что, Дмитрий Олегович, — сказал он спокойно. — Как действуем?

Лаврин поднял глаза. Он понимал: майор мог бы сам всё решить за секунду. Но тот ждал. Ждал **его** решения.

— Оцепление расширить на двадцать метров, — сказал Лаврин. — И... проверить подъезд.
Руденко кивнул:

— Сделаем.

Он повернулся к работникам патрульно - постовой службы (ППС):

— Расширить периметр, подъезд. Быстро.

Потом снова подошёл к Лаврину:

— Я бы ещё вот тут посмотрел, — тихо, почти шёпотом.

— Следы могут быть.

Не приказ. Не указание. **Совет.**

Лаврин кивнул:

— Да. Хорошо. Осматриваем.

Но через минуту ситуация изменилась: из-за угла выбежал парень, увидел оцепление и попытался скрыться.

Руденко даже не посмотрел на Лаврина — времени не было.

— Стоять! — рявкнул он. — Двое за ним! Быстро!

Опера побежали. Лаврин только успел вдохнуть.

Руденко повернулся к нему:

— Извиняй, Дмитрий Олегович. Тут ждать нельзя было.

И сказал это **без** тени иронии. Без превосходства. Без «я тут главный».

Он сказал это как наставник, который прикрывает молодого следователя, но не забирает у него право руководить.

Эксперт- криминалист уже работал — присел рядом, что-то тихо диктовал в диктофон. Опера стояли чуть поодаль, один записывал показания дворника, другой осматривал окна.

Лаврин шагнул ближе к труп, открыл папку, глубоко вдохнул:

— Ну что тут у нас, Седов? — Лаврин посмотрел на эксперта, который, ворча под нос, заканчивал осмотр.

— Пока — загадка.

Евдокимов неспешно подошел ближе, закладывая руки за спину, и молча кивнул Седову, ожидая первых официальных выводов с места происшествия.

Седов поднялся, потирая поясницу. — Мужчина, возраст лет 30, Повреждений нет, зрачки в норме, следов укола не вижу. Сердце просто встало, будто батарейку вынули. Вскрытие покажет, но чувствует моё сердце — химия тут какая-то хитрая, карманы пустые, только телефон и ключи. Но есть одна странность...

Евдокимов, до этого молча стоявший в сторонке с блокнотом в руках, сделал шаг ближе к телу, давая понять Лаврину, что внимательно слушает эксперта, но право первого вопроса оставляет за молодым коллегой. Лаврин перехватил инициативу: — Игорь Михайлович, ты говорил про странность?

— Вот, — Седов протянул прозрачный пакет. — В рюкзаке нашли только вот это.

Внутри лежал **обычный рекламный буклет** — из тех, что пачками кидают в почтовые ящики. *«Покупайте у нас. Акции на стиральные машины, чайники, дешёвые утюги»*. Но в тексте буклета в слове **«Утюг»** чёрной ручкой была подчёркнута одна-единственная буква. **«Г»**. Линия под бук-

вой была проведена ровно, уверенно.

У Лаврина по спине пробежал холодок. Это не было случайной пометкой покупателя.

--- Ещё что то было в нём?

---Нет, пустой.

-- Рюкзак был открыт или закрыт?

-- Был открыт.

Лаврин вслух: - значит остальное содержимое убийца забрал. Но почему он оставил два буклета в рюкзаке? Допустим, чтобы его слышали. Что тогда он забрал? Может там были ещё буклеты? Значит он не остановится, тогда нужно ждать ещё жертв. он взял их для будущих жертв. А что если это курьер разносил эти буклеты по почтовым адресам? Тогда нужно узнать, в какой фирме он работал. Нужно срочно доложить Седых.

Евдокимов чуть заметно кивнул, одобряя ход мысли Лаврина, но добавил холодным, ровным тоном: — Не спеши с выводами по курьерам, Дмитрий Олегович. Сначала отрабатываем личность погибшего, а докладывать руководству будем с фактами на руках, а не с версиями. Продолжай.

Лаврин перевел дыхание и кивнул:

-- Время смерти?

-- Ориентировочно часов 8 -10 назад. Точно скажу при вскрытии.

— Может, сам отметил? Наверное утюг хотел купить с буквой «Г» — хмыкнул кто-то из оперов за спиной.

— Ага, или скидку искал на «Г». Дешёвое--- оно и есть «Г» - добавил Агаев.

Лаврин промолчал. Он крутил в руках буклет, глядя на эту букву. В маленьком Лесогорске, где все убийства обычно пахли дешёвой водкой и бытовой злобой, эта аккуратность выглядела чужеродно.

— Забирай всё в лабораторию, — бросил Лаврин Седову. — И под микроскоп — что за ручка, какое давление на бумагу.

— Думаешь, важно? — удивился Гринёв. — Обычный мусор - добавил он.

Лаврин бросил последний взгляд на спокойное лицо трупа.

— Мусор бросают как попало, Гринёв. А это положили специально. Сентябрь заканчивается, а у меня такое чувство, что нас уже пригласили на игру, правил которой мы не знаем.

Евдокимов тяжело вздохнул, убирая блокнот в карман плаща: — Игру эту мы еще посмотрим, кто кому навяжет, — коротко бросил прокурорский следователь. — Оформляйте протокол, забирайте вещдоки. Руденко, жду тебя с оперативными материалами в отделе.

Так думал следователь Лаврин, не подозревая, что подчёркнутая буква «Г» — это лишь начало списка, который ему придётся выучить наизусть.

Приезд начальника милиции полковника Седых.

Приезд начальника милиции полковника Седых нарушил

привычный ритм осмотра.

Седых подъехал, вышел из машины и не стал сразу подходить к Лаврину, увидев, что тот обсуждает что-то с оперативником.

Начальник УГРО тоже стоял, сложив руки за спиной, и молча наблюдал за Лавриным.

Двор был ещё сонный, с влажным асфальтом и редкими прохожими, которые уже успели сделать вид, что ничего не видят. Лента, поставленная наспех, отгораживала кусок пространства между домом и мусорными баками.

Лаврин держался за папку, как за поручень. Лицо бледное, но голос ровный:

— Фиксируем положение тела. Одежда — куртка, джинсы, кроссовки. Следов волочения не видно. Лаврин повернулся к эксперту: — По внешним признакам что скажете?

Эксперт поднял глаза:

— Окончательно — в морге. Сейчас могу сказать: трупные пятна уже выражены, трупное окоченение сформировано. Следов насилия на открытых участках не вижу. Но это — предварительно.

— Понял, — кивнул Лаврин.

— Фотографирование, замеры, схема. Потом осмотр двора, подъезда, мусорных баков. Опера — опросить всех, кто утром выходил.

Начальник УГРО чуть заметно кивнул. Он не вмешивался — просто отмечал, что молодой не поплыл, не стал суетить-

ся, не начал хвататься за всё сразу.

Когда подъехала машина начальника милиции, Лаврин уже диктовал в протокол:

— на асфальте следов крови не обнаружено. Следов борьбы в непосредственной близости от трупа не выявлено...

Седых не стал и подходить сразу к телу. Сначала подошёл к начальнику УГРО. Шаг его был тяжелым, а лицо — собранным. У кромки оцепления полковника встретил прокурорский следователь Евдокимов, который до этого молча наблюдал за процессом со стороны, контролируя законность следственных действий. Евдокимов, как следователь прокуратуры, должен был сам полностью проводить следственные действия. Но он понимал состояние молодого начинающего следователя и решил помочь ему, научить правильно вести следственные действия.

Седых остановился напротив прокурорского следователя, коротко кивнув в знак приветствия: — Товарищ полковник, — вежливо, но сухо бросил Евдокимов, обозначая субординацию. Седых кивнул в ответ, оценивающе оглядывая место происшествия: — Что у нас здесь, майор? Прокурорский надзор в курсе? — В полном объеме, с самого начала на месте, — спокойно ответил Евдокимов, не вынимая рук из карманов плаща. — Труп неизвестного мужчины, признаков криминального насилия пока не видно, но обстановка странная. Лаврин ведет осмотр самостоятельно, я не вмешиваюсь, даю парню поработать, поучиться.

Евдокимов чуть прищурился, глядя на полковника: — К слову, Петр Николаевич, материал мутный. Придётся оформлять полноценную следственно-оперативную группу. Кого из личного состава туда включаем? Седых тяжело вздохнул, окинув взглядом суесящихся у оцепления оперативников: — Включай всех присутствующих: Руденко на оперативку, Котова с Гриневым по району, Седова — по криминалистике. Лаврин пусть ведет дело как следователь УВД под нашим общим надзором.

Седых бросил быстрый взгляд на молодого следователя милиции, который снова склонился над бумагами. — Работает? — уточнил полковник.

— Держится, — подтвердил Руденко, подходя ближе к начальству. — Не поплыл. Эксперт говорит — предварительно без повреждений, но ждём вскрытия и материалы.

Седых кивнул, соглашаясь с оценкой, и перевел взгляд обратно на Евдокимова: — Добро. Оформляй бумаги, товарищ майор. Если это не обычная бормотуха, город нам молчать не даст.

Седых посмотрел на молодого следователя. Тот, почувствовав взгляд, на секунду поднял глаза, кивнул и снова вернулся к протоколу.

«Ладно, — подумал Седых. — Не ребёнок. Выдержит, но одного его не оставляю».

Получив подтверждение от прокуратуры, Седых сделал шаг за ленту оцепления. Он подошёл ближе, но не стал ко-

мандовать.

— Лаврин, — сказал спокойно. — Продолжайте. Я посмотрю.

Осмотр занял своё время. Фотографии, замеры, схема двора, подъезд, мусорные баки, опрос дворника, пары ранних пенсионерок, которые «ничего не видели, но слышали». Эксперт ещё раз осмотрел тело, дал разрешение на транспортировку.

— В морг, — подтвердил Лаврин. — записывая что то с свой блокнот

Когда труп увезли, двор снова стал обычным двором — только лента ещё болталась на ветру, и дворник смотрел на пустое место так, будто там всё ещё кто-то лежал.

— В отдел, — сказал начальник УГРО. — Там уже будем разбираться.

Седых сел в машину последним, глядя в окно на дом, который уже начал просыпаться.

«Кузьмич в морге. Этот — туда же. Два трупа за ночь. Молодой — один. Ладно. Выкрутимся. Помощи просить ни у кого не буду. Скажут: ещё не начали, а уже зовут. Сами справимся. Нужно и похороны организовать, и личный состав собрать, и пацана не утопить. И речь сказать... Ладно. Сначала — дело. Потом прощание».

В отдел они вернулись уже к началу рабочего дня. Коридоры наполнялись голосами, хлопали двери, кто-то уже успел узнать про Кузьмича и говорил шёпотом.

После осмотра.

Лаврин ушёл в свой кабинет — писать протокол осмотра, фиксировать показания, формулировать первые, ещё сырые версии.

Начальник УГРО поднялся к себе — поднимать материалы по ночной смерти, звонить в морг, уточнять время вскрытия, думать о служебной проверке.

Седых вошёл в свой кабинет, закрыл дверь и на секунду прислонился к ней спиной.

«Старый друг умер. Молодой следователь остался один. Отдел — на мне. Каждому своё. Ладно. Сначала — бумага, потом — люди, потом похороны».

Он сел за стол, открыл блокнот и написал первым делом: *«Труп во дворе. Следователь Лаврин. Контроль личный».*

После возвращения (в прокуратуре и у Седых)

По возвращении с осмотра в прокуратуру Евдокимов зашел за стол. Быстро набросав текст, он распечатал и положил на стол районного прокурора официальное *Постановление о создании совместной следственно-оперативной группы*. Текст лег на подпись незамедлительно — в таких делах прокуратура и милиция действовали в жесткой связке.

Получив на руки подписанный документ, Евдокимов сразу отправился в райотдел милиции.

В кабинете Седых уже ждали Руденко и Лаврин. Евдокимов положил папку на стол начальнику райотдела милиции. — Следственно-оперативная группа сформирована и утвер-

ждена прокурором района.

Тот внимательно прочитал, кивнул и сказал:

— Всё ясно. Совместная группа работает под вашим руководством. Наши люди подключаются — опера, криминалисты, эксперты. Следователь милиции тоже будет, но он молодой, опыта мало. Пусть помогает, но командовать будет прокуратура.

Евдокимов ответил спокойно:

— Так и должно быть. Я беру процессуальную часть. Ваши — оперативное сопровождение — Руденко, Котов, Гринева. Экспертно-криминалистическое обеспечение — Седов. Работать будем вместе.

Евдокимов посмотрел на начальника милиции, согласовывая дальнейшие шаги: — Петр Николаевич, нужно зафиксировать график. Предлагаю первое оперативное совещание СОГ провести в кабинете начальника УгРо, сегодня в 17:00. Заслушаем первичные результаты, распределим задачи по дворам и отработке связей.

Седых коротко кивнул: — Согласен. В 17:00, не опаздывать.

Часть 2. Линия раздела.

24 сентября.

Утро полковника Седых началось с резких, сухих распоряжений. Едва войдя в кабинет, он вызвал секретаря, лейтенанта Светлану.

— Светлана, слушай внимательно, — голос полковника был жёстким. — На четырнадцать ноль-ноль назначай общее совещание в актовом зале. Оповестить всех: дежурную смену, оперов, следствие, хозчасть. Явка обязательна для всех, кто не на выезде.

Он на секунду замолчал, глядя в окно на серый дождь. — И распорядись... На первом этаже, у входа, на тумбе организовать место памяти. Портрет Сергеева Петра Кузьмича в траурной ленте, гвоздики. Чтобы каждый, кто заходит в здание, видел: мы потеряли не просто сотрудника. Выполняй.

Светлана молча кивнула и исчезла за дверью. Через десять минут по коридорам управления уже разносилось эхо телефонных звонков и негромкие пересуды — приказ полковника разлетелся мгновенно.

У вдовы (10:00). 24 сентября.

В десять часов служебная машина Седых затормозила у старой «сталинки». Подъем на четвертый этаж дался ему тяжело — не от возраста, а от того, что нужно было сказать Марии Степановне.

Дверь открылась почти сразу. Вдова Кузьмича казалась постаревшей на десять лет за одну ночь. В кухонном окне серой стеной стоял сентябрь, а на столе сиротливо остывал нетронутый завтрак.

— Андрей, как же так... — тихо выдохнула она, пропуская его внутрь. — Он ведь до полуночи сидел за столом. Всё листал свою **рабочую тетрадь**, чертил что-то, выписывал из старых блокнотов. Я ему: «Петя, ложись, утро вечера мудренее», а он только рукой махнул. Сказал: «Кажется, нитка потянулась, Маша. Та самая, старая...»

Седых молча сжал её сухую ладонь. Он знал, что Кузьмич никогда не брал официальные тома домой — закон для него был святыней. Но личные дневники наблюдений, которые он вёл годами, были его второй памятью.

— Ты держись, Степановна. Похороны берем на себя. Я уже распорядился: прощание в зале, почетный караул и салют. Пётр это заслужил. Тетрадку его пока прибери подальше, я позже Лаврина пришлю — пусть посмотрит, что там за нитка. Может, Пётр нам и «оттуда» подсказку оставил.

Актный зал отдела милиции. 14:00. 24 сентября.

Когда Седых вошел в зал, там стояла такая тишина, что было слышно, как на улице шумит листва. Весь личный состав — от молодых лейтенантов до капитанов, седых майоров и подполковников — встал навытяжку. Перед сценой, на специально подготовленной тумбе, стоял портрет Кузьмича — старого, преданного делу следователя, который отдал

службе всю жизнь и ушёл слишком рано, «сгорев» на работе. С фотографии он смотрел чуть прищурившись, с той самой характерной для него усталой усмешкой.

Седых поднялся на трибуну, тяжело упёршись ладонями в края. — Товарищи офицеры. Прошу почтить минутой молчания память нашего товарища, следователя, подполковника Сергеева Петра Кузьмича.

Минута тянулась томительно. Гулкое молчание сотен людей было весомее любых слов. Когда время истекло, полковник заговорил, чеканя каждое слово:

— Я только что от вдовы. Семье будет оказана полная поддержка. Похороны через два дня. Проводим Кузьмича со всеми почестями: почётный караул, прощальный салют.

А теперь, раз мы здесь с вами все собрались, повод хоть и скорбный, но жизнь продолжается. Он сделал секундную паузу.

-- Я представлю прибывшего к нам нового сотрудника — лейтенанта Шевцову Любовь Павловну, эксперта-криминалиста. Она только что приехала к нам по распределению. Любовь Павловна будет помощником у нашего эксперта Игоря Михайловича Седова. Прошу оказывать содействие, ввести в курс дела. Работы выше крыши, так что принимайте по-полнение.

Люба аккуратно поднялась со своего места, строго и сдержанно кивнув притихшему залу. Оперативники проводили её долгими взглядами — появление молодой, красивой де-

вушки в их сугубо мужском и суровом коллективе всегда было событием. На заднем ряду кто-то из оперов тихонько толкнул локтем Лаврина, но тот лишь хмуро отмахнулся, еще не зная, что именно эта девушка скоро перевернёт его жизнь.

— Ну а теперь те, кто не задействован в текущих спецмероприятиях — свободны, — бросил полковник Седых, окинув взглядом актовый зал.

Когда лишние вышли и дверь закрылась, в помещении остались только оперативники УГРО, эксперт Седов, следователь Лаврин и занявший место в президиуме прокурорский следователь Евдокимов, который до этого молча сидел на заднем ряду.

Евдокимов поднялся, тяжело опёршись руками о стол, и обвёл всех тяжёлым, угрюмым взглядом: — Прежде чем перейдем к материалам... Хочу выразить общее соболезнование. Старой школы человек был, настоящий следователь... Земля ему пухом. Тяжелая потеря для всех нас.

В зале повисла тяжёлая, звенящая тишина. Несколько секунд никто не решался нарушить молчание — каждый думал о старом товарище.

Евдокимов вздохнул, собираясь с мыслями, открыл лежащую перед ним папку и заговорил уже сдержаннее, возвращаясь к служебным обязанностям: — Светлая ему память, а нам нужно работать. Официально заявляю: по факту обнаружения неопознанного трупа прокуратурой района воз-

буждено производство. Постановление о создании совместной следственно-оперативной группы подписано прокурором района. Руководителем СОГ назначен я. Даврин — следователь от милиции. Сопровождение — уголовный розыск под руководством Руденко. Криминалистическое обеспечение — Седов. Прокуратура осуществляет общий надзор и процессуальный контроль. Работаем жестко в связке.

Евдокимов кивнул полковнику Седых и сел на своё место, передавая слово хозяину кабинета для заслушивания оперов.

Седых кивнул, разделяя общую горечь утраты, и взял слово для ведения оперативной части совещания: — Постановление оглашено, задачи понятны. Переходим к делу. Ну, докладывайте, Руденко. Что успели «натоптать» ногами за эти часы? Кратко и по делу.

Майор Руденко встал, расправляя плечи: — Товарищ полковник, на четырнадцать ноль-ноль ситуация следующая. Место происшествия — пустырь у Северной промзоны. Труп мужчины, возраст 25–30 лет. Внешних признаков насилия нет. Личность на данный момент устанавливается. В карманах пусто: ни документов, ни зацепок. Совместно с Гринёвым и Агаевым начали первичный обход ближайшего сектора и гаражного кооператива. Пока результат нулевой. Никто покойного не опознал, подозрительных лиц в округе ночью не видели. Работаем вслепую.

— Гринёв, добавь, — бросил Седых. — Товарищ полков-

ник, обзвонили все больницы, сводки по области проверили — по приметам никто в розыске не числится, — доложил Гринёв. — На данный момент «неизвестный» остается «глухарём». Продолжаем искать свидетелей среди тех, кто мог видеть его по пути к гаражам.

— Седов, что по медицине? Эксперт Седов устало потёр переносицу: — Предварительно — внезапная остановка сердца. Вскрытие назначено на завтра. Сейчас могу сказать только одно: смерть была быстрой. Биоматериалы упакованы для отправки в область на токсикологию. Ждём результатов.

— Лаврин, твой «подарок»? Следователь выложил на стол фотографию рекламного листка.

— Рекламный буклет, товарищ полковник. Реклама техники. Буква «Г» подчёркнута чёрной ручкой в слове «утюг». Линия идеальная. Пока это всё. Ищем связь буквы с личностью покойного, но без имени — это гадание на кофейной гуще. Можно предположить, что это курьер, разносил буклеты по почтовым ящикам. Таких разных листовок, буклетов почти через день вбрасывают в почтовый ящик.

Евдокимов сделал пометку в блокноте, добавляя от прокуратуры: — Версия с курьером рабочая, но проверять её нужно процессуально чисто. Если разносил — значит, был привязан к конкретному участку и конкретной конторе.

Седых тяжело вздохнул и закрыл папку. — Итого: у нас есть труп без имени и буква «Г». Пустота.

Совещание переходило к постановке задач. Седых и Ев-

докимов переглянулись, распределяя фронт работы. Руденко встал, раскрыл блокнот:

— Значит так, записываем пункты плана СОГ.

1. Буклеты и типография. — Первое: опросить все фирмы по доставке рекламной продукции. Второе: буклеты. Кто печатал? Где? Какая типография? Нужно взять образцы у всех, кто печатает подобную полиграфию в городе. Сравнить бумагу, краску, шрифт, резку. Пусть дадут по экземпляру каждого буклета. Проверить, кто заказывал крупную партию в последние дни.

2. Свидетели. — Второе. Свидетели. Продолжаем поиск всех, кто мог видеть жертву вечером. Подъезды, дворы, магазины, киоски, бары, парковки. Обойти весь район. Показать фото тела — без деталей, только лицо. Кто-то должен его узнать. Работать «ногами». Трясите каждый киоск, каждую точку, каждый подъезд. Он не призрак.

3. Оpozнание. — Третье. Оpozнание. Проверить все заявления о пропавших за последние 10 дней. Сверить с приметами. Пробыть по больницам, вытрезвителям, частным клиникам. Если кто-то ищет жертву — мы должны узнать первыми.

4. Результаты вскрытия.

Евдокимов добавил от себя: — С моей стороны прокуратура обеспечит санкции на все необходимые запросы и выемки в типографиях незамедлительно. Затягивать нельзя.

Седых посмотрел на всех: — Следующее заслушивание

СОГ — через сорок восемь часов. К этому времени я хочу видеть:

фамилию покойного, протокол вскрытия, кто печатал, первые выводы по буклетам.

Он поднялся, давая понять, что совещание окончено. — Лаврин, на тебе координация и подготовка письменного плана оперативно-розыскных мероприятий для утверждения. Всё. Работайте.

Оперативники поднялись почти одновременно. Каждый уже знал, куда идти и кого трясти.

Часть 3. Одиночество в квадрате.

24 сентября.

Седых зашёл в Кабинет. Он остался один — в круге света от настольной лампы. Тишина стала почти осязаемой; было слышно, как в углах постанывают от ночного холода старые батареи.

Он сел, но не откинулся на спинку, а наоборот — подался вперед, сцепив пальцы в замок. Смотрел на буклет, лежащий перед ним, но видел не дешёвую бумагу. Он видел лицо Кузьмича.

«Вот ведь... Не вовремя ты, старый. Хотя... когда смерть вовремя бывает? Сгорел на работе. До пенсии чуть-чуть не дотянул. Сколько раз говорил тебе: "Иди домой, Кузьмич, хватит на сегодня". А ты — упрямый. Всё через сердце пропускал. Каждую жалобу, каждую пьяную драку, каждую сломанную судьбу — как личную боль. Вот оно и не выдержало...»

Седых провел ладонью по лицу. Усталость не уходила, она наваливалась свинцовым грузом. Ему стало горько от собственной мысли: *«Друг умер, а я думаю — "не вовремя". Стыдно. Но работа есть работа. Город никуда не денется. И убийца никуда не денется».*

Он откинулся на спинку кресла, позволив себе глубокий вдох. И вдруг, как удар током, обожгла мысль: *«А ведь и*

мне... Мне тоже скоро. Через каких-то шесть лет — и всё. Шесть лет в нашем деле — это миг. А я всё бегу, всё пытаюсь успеть...»

Он безрадостно усмехнулся. Память вдруг, вопреки воле, вытащила другое лицо — седоватое, с хищным прищуром и тем абсолютным спокойствием, которое бывает только у людей, прошедших огонь. Полковник Зотов. Его учитель. Первый начальник.

«Как он там, старик? Жив, здоров? За этой беготней совсем забыл о нём. Раньше часто заезжал. Сидели у него на кухне, вспоминали ребят... И тех, кто ещё ляжку тянет, и тех, кто погиб на боевом посту. Он тогда своим мёдом угощал... Говорил: "Ешь, Андрюша, силы нужны".»

Седых встряхнулся, сбрасывая с себя паутину воспоминаний. *«Да что это я? Не время расслабляться. Но к Зотову поеду. Завтра же. Попрошу прощения, что долго не проводывал. Старикам внимание важнее лекарств.»*

Он перевёл взгляд на папку с делом. *«Два трупа за сутки. Кузьмич и этот парень. И молодой следователь Лаврин между ними. Справится или нет? Кузьмич в него верил. Помню, как пару месяцев назад после того бытового дела он сказал: "Парень толковый, Андрей. Не суетится. Учится быстро. Только не дави — сам раскроется".»*

Слова друга больно кольнули под рёбра. *«Кузьмич... Ты бы сейчас рядом был. Подсказал бы: "Не трогай пацана, дай поработать". А я теперь один. Значит, так: завтра потре-*

бую от Лаврина план оперативно-розыскных мероприятий. Пусть покажет, чему в институте учили. Как версии строят, как логику гнёт. А я... я подскажу. Опыт бывшего начальника УгРо ещё чего-то стоит. Подправлю, если занесёт на повороте».

Седых посмотрел в окно. Снаружи был серый март, мокрый снег и равнодушный свет фонарей. «Просить помощи у области? Скажут: ещё не начал, а уже бежит. Слабак. Нет. Это ударит по отделу. И по Лаврину ударит — его же сломают, назначат "нетянущим". А он тянет. Я вижу, как он думает. Он не боится признаться, что чего-то не знает — в наше время это редкость».

Он снова посмотрел на буклет. «Убийца играет. Уверен, что он умнее всех нас. Ну-ну. Поиграем. Буду контролировать лично. Каждый шаг, каждый отчет. Но давить не буду — пусть Лаврин растёт. Не дам забрать у него это дело».

Седых поднялся. Спина отозвалась сухим хрустом, напоминая о возрасте. На часах — почти полночь. «Засиделся... Хорошо, что дома понимают. Анна поворчит для порядка: "Не бережешь ты себя, Андрюша"... А потом всё равно позовёт к столу. Будет смотреть, как я чай пью. Тихо так, по-домашнему».

Улыбка на мгновение коснулась его губ, но быстро погасла. «Девочек своих почти не вижу. Старшая — замужем, внуков сто лет не видел. Надо взять Анну и съездить к ним

на выходных. А младшая... школу заканчивает. А я даже не спросил, куда она поступать решила. Чёрт. Исправляться надо».

Он тяжело вздохнул, выключил лампу и взял с вешалки пальто. «Ладно, старый. Работа есть работа, но и жизнь — тоже есть. Похороним Кузьмича как героя. Салют будет такой, чтоб на том свете слышно было. А потом — за работу. Не дождѣшься ты моей ошибки, "шахматист"». «Стоп. Интересно. А чего это я присвоил убийце кличку "Шахматист"?» — внезапно поймал себя на мысли полковник.

И сам себе мысленно ответил: «Он ведь не потерял, он специально оставил этот рекламный буклет, да ещё и с подчёркнутой буквой. В смысле — попробуйте, разгадайте, для чего здесь буклет. Это его какой-то ход. Ну, прямо как в шахматах. Так вот почему я присвоил ему кличку "Шахматист". Все преступники имеют клички. Ну и эта, значит, тогда будет его».

Седых нахмурился, глядя на пустые ряды стульев. «Подожди. Но если он специально оставил буклет, значит, он хочет быть увиденным, услышанным. Хочет поиграть с нами. Бросил вызов. Он ждёт, разгадаем ли мы его следующий ход. Где, куда он сделает свой очередной ход и подбросит следующий труп?»

А в том, что «Шахматист» сделает очередной ход и что будет очередной труп — он уже не сомневался.

«Значит, мы имеем дело не с простым убийцей, не просто с серийником, а с маньяком, как бы страшно это ни звучало».

Он тяжело вздохнул. Только этого ещё не хватало. *«Жаль, теперь нет Кузьмича, — с горечью подумал Седых. — А Лаврин — молодой. Я возьму всю его работу под контроль. Буду помогать ему. Он парень не из робкого десятка, толковый. Справимся».*

С этими мыслями Седых аккуратно сложил папки на столе, посмотрел, ничего ли не забыл, и направился к выходу из кабинета.

Он вышел в пустой коридор, закрыв кабинет. Впереди была короткая ночь, а завтра — новый день, новое вскрытие и первый ход в партии, где на кону стоял не кубок, а жизнь.

Часть 4. Учитель.

25 сентября.

В обеденный перерыв Седых не пошел в столовую. Он вызвал машину и коротко бросил водителю адрес на окраине города, где в старых «сталинках» с высокими потолками доживали свой век ветераны службы.

Дом Зотова встретил его тишиной и запахом старого дерева. Поднимаясь на второй этаж, Седых поймал себя на том, что волнуется как лейтенант перед первым рапортом. Он постучал — звонок давно не работал.

Дверь открыл крепкий старик в шерстяном жилете поверх чистой рубашки. Волосы — белые как лунь, но глаза... глаза остались прежними: пронзительно-голубыми, видящими человека насквозь.

— Андрюша? — Зотов чуть прищурился, а потом его лицо осветилось скупой улыбкой. — Заходи, заходи, пропащая душа.

В квартире пахло чабрецом и старыми книгами. На кухне уже зашумел пузатый чайник. Седых сел на знакомую табуретку, чувствуя, как здесь, в этих стенах, официальный чин полковника сползает с него, оставляя просто человека.

— Прости, Петрович... Долго не заходил. Закрутился, служба, дела... — Седых опустил голову, глядя на свои натруженные ладони.

Зотов поставил перед ним две тяжелые кружки и выложил на блюде густой, янтарный мед. — Не извиняйся. Я по телевизору всё вижу, по газетам. Знаю, какой город тебе достался. Тяжело сейчас?

— Тяжело, Петрович. Вчера Кузьмич умер. Сердце. Прямо на посту. Зотов замер с ложкой в руке. Тяжело вздохнул, перекрестился. — Пётр... Хороший был следак. Тщательный. Жаль. Очень жаль.

Седых отхлебнул горячий чай, чувствуя, как тепло разливается по телу. — И тут же — труп на Северной. Парень молодой, курьер, как выясняется. И ни одной зацепки, Петрович. Только буква «Г» одна подчёркнута в рекламном листке.

Зотов сел напротив, внимательно слушая. Он не перебивал, пока Седых изливал ему душу: про Лаврина, про область, которая дышит в затылок, про свои сомнения — не пора ли и самому на покой.

— Значит, буква «Г»? — Зотов задумчиво постучал пальцами по столу. — Послушай меня, Андрей. Преступник, который оставляет знаки, — это не бандит с большой дороги. Это человек, который хочет быть услышанным. Ему мало убить, ему нужно, чтобы ты — именно ты — понял его величие. Он с тобой не в прятки играет, он с тобой разговаривает.

— И что мне делать? — Седых подался вперед.

— Не дави на парня своего, на следователя. Пусть он ищет систему. Если это не случайность, то буква «Г» — это толь-

ко первый слог в длинном слове. Ищи того, кто обижен на систему. Кто считает себя непризнанным гением. А сам... — Зотов накрыл ладонь Седых своей широкой, сухой рукой. — Сам не смей про пенсию думать. Ты сейчас — хребет этого отдела. Сломаешься ты — повалится всё.

Они просидели еще полчаса. Говорили о пустяках, о меде, о внуках. Седых чувствовал, как внутри у него понемногу распрямляется сжатая пружина.

Уже в дверях Седых снова обнял учителя. — Спасибо, Петрович. Лекарство ты мне прописал лучше всяких врачей.

— Иди, Андрюша. Силы тебе нужны. И помни: в нашем деле главное — не превратиться в бесчувственного человека. Оставайся человеком, даже когда на плечах погоны полковника.

Седых спускался по лестнице лёгким шагом. Обеденный перерыв заканчивался. Впереди было прощание с Кузьмичом и 48 часов, за которые он должен был переиграть невидимого противника.

Машина рванула с места, унося его обратно в мир протоколов, допросов и холодных гаражей. Но в кармане шинели теперь будто грела маленькая баночка меда, подаренная учителем, — символ того, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Часть 5. Прощальный салют.

26 сентября

Погода будто подстроилась под день — низкое серое небо, липкая сырость, ни ветра, ни солнца. Город замер. К зданию Управления люди приходили молча. Коллеги в парадной форме, соседи по дому, пара седых оперативников-ветеранов, начинавших с Кузьмичом еще в «убойных» девяностых. Все стояли чуть поодаль, боясь нарушить гулкую тишину двора.

Гроб был установлен на постаменте. Форма, фуражка на крышке, орденская планка. И фотография в черной рамке — та самая, где Петр Кузьмич смотрит чуть в сторону с характерным прищуром, будто поддразнивает молодого следователя за неверный протокол.

Седых стоял впереди, неподвижный и прямой, как памятник. Лицо — застывшая маска, и только пальцы, сцепленные за спиной, иногда судорожно сжимались. Мария Степановна держалась удивительно ровно. Она не плакала. Она смотрела на мужа так, будто вела с ним бесконечный внутренний диалог, который не решилась прервать смерть.

Лаврин стоял в третьем ряду. Он не успел узнать Кузьмича близко, но сейчас кожей чувствовал: уходит настоящая эпоха. Та самая, на которой держался отдел.

Когда настало время прощальных слов, Седых вышел впе-

ред. Он не достал бумагу — никакой заготовленной речи не было. Он говорил так, как говорят мужчины, привыкшие отвечать за каждое слово.

— Он был из тех, кто не бросает, — голос полковника прозвучал негромко, но долетел до самых дальних рядов. — Ни людей, ни дела. Он не умел проходить мимо чужой беды и не умел работать вполсилы. Мы потеряли не просто подполковника Сергеева. Мы потеряли человека, который был совестью этого здания.

Седых сделал паузу, его кадык дёрнулся, но взгляд остался твёрдым. — Кузьмич не успел дописать последнюю главу. Но мы доведем его дело до конца. Обещаю тебе, Петр.

Раздалась команда. Три холостых выстрела почётного караула ударили по нервам, разорвав сырой воздух. Мария Степановна вздрогнула, Лаврин непроизвольно сжал кулаки.

Когда церемония закончилась и люди начали медленно расходиться, Лаврин задержался в стороне, не решаясь подойти к вдове. Но Мария Степановна сама направилась к нему.

— Вы... Лаврин? Дмитрий? — спросила она тихо.

— Да, — он быстро снял фуражку.

Она открыла маленькую бархатную коробочку. Внутри лежал старый милицкий значок — «Отличник милиции», потёртый, с мелкими царапинами, но вычищенный до блеска. — Он носил его много лет, — сказала вдова. — Потом снял, положил в стол. Говорил: «Пусть молодые носят. Им

нужнее, чтобы помнить, зачем в кобуру лезут».

Она протянула коробочку Лаврину. — Возьмите. Пётр говорил о вас часто в последний месяц. Он бы хотел, чтобы это было у того, кто продолжит его путь.

Лаврин растерялся, чувствуя, как краска заливает лицо. — Мария Степановна... я... не уверен, что достоин такой чести.

— Достоин, — отрезала она с неожиданной твердостью. — Он так считал. А он в людях не ошибался.

Лаврин принял коробочку обеими руками. Металл оказался неожиданно тяжелым и холодным. — Спасибо. Я... я не подведу.

— Не мне спасибо говорите, — она посмотрела ему прямо в глаза, и в этом взгляде Лаврин увидел сталь. — Найдите того, из-за кого его сердце не выдержало.

Лаврин молча кивнул. Обещания вслух в такой момент казались дешевыми. Это было нечто большее — негласная присяга.

Он отошёл к своей машине, открыл коробочку еще раз. Значок лежал на синем бархате, как маленькая звезда, указывающая путь. И в этот момент Лаврин понял: дело Кузьмича теперь — его личное дело. Не по приказу Седых, а по совести.

Часть 6. В кабинете у Седых.

Прошло сорок восемь часов.

Полковник сидел во главе стола, перед ним лежала чистая папка. Похороны Кузьмича остались позади — вчерашний залп салюта всё ещё стоял в ушах звоном, но сегодня город требовал ответов. Рядом с Седых, внимательно перебирая бумаги в своей папке, сидел прокурорский следователь Евдокимов — надзор и процессуальный каркас этого дела были под его жестким контролем.

— Садитесь, — коротко бросил Седых. — Сорок восемь часов истекли. Было дано задание: Буклеты: кто и где печатал и взять образцы. Продолжать поиск свидетелей для опознания трупа. Результаты вскрытия.

Докладывайте. Кто этот парень с Северной?

Майор Руденко кивнул Гринёву. Тот поднялся, вид у него был помятый, глаза красные от бессонницы, щетина двухдневной давности, в руках он сжимал планшет с протоколами.

— Установили, товарищ полковник. Личность подтверждена. Это **Соколов Артём Игоревич**, двадцать шесть лет. Проживал в общежитии на окраине, прописан в области. Подрабатывал курьером в службе «Экспресс-Доставка».

— Как вышли? — прищурился полковник.

— Ногами, как вы и велели, — Гринёв шмыгнул носом.

— Обошли весь ваш список по буклетам. Зацепились в маленьком баре «Старая ладья» на Речном вокзале. Соколова опознали, барменша узнала его по фото сразу. Сказала: «Это Тёма, он нам заказы из пиццерии возит». Да, заходил в тот вечер 23 сентября, он заходил к нам погреться, взял кофе. И буклет этот рекламный подобрал там же, со стойки. Но барменша клянётся: буклет он взял сам со стойки, просто чтобы что-то в руках вертеть. Никто к нему не подсаживался, никто ничего не передавал. Мы проверили мусорные баки в радиусе трёх кварталов — никаких улик.

— Значит, буклет — случайность? — Седых перевел взгляд на Лаврина.

— Не совсем, товарищ полковник, — подал голос Лаврин. — Мы опросили администратора службы доставки. Последний заказ Соколов выполнил в 21:15. Вёз уют и рекламные буклеты — да-да, тот самый уют — по адресу на проспекте Мира. После этого он должен был вернуться в офис, но пропал.

— А теперь самое интересное, — Руденко выложил на стол второй пакет. — Мы нашли свидетеля. Та самая бабушка, про которую я заикался. Она видела, как Соколов выходил из подъезда после доставки. Сказала, что к нему подошел человек в тёмном длинном плаще. Они о чём-то поговорили, и Соколов сел к нему в машину. Чёрный седан, марку не разобрала, номера грязные.

Евдокимов поднял глаза от своих записей: — Человек в

плаще — это уже субъект. Дмитрий Олегович, фиксируйте: проверяем все черные седаны в том районе по базам ГАИ за этот период.

— Принято, — кивнул Лаврин.

— Седов, что по вскрытию? — Седых повернулся к эксперту.

Седов выложил на стол тонкий листок — предварительный отчет. — Токсикология из области пришла час назад. В крови Соколова обнаружен препарат — сердечный гликозид в запредельной концентрации. В малых дозах — лекарство, в таких — мгновенный паралич сердечной мышцы. Инъекция была сделана в область шеи, под челюсть. След от иглы нашли только под микроскопом — ювелирная работа. Парень даже не понял, что умирает. Просто уснул.

В кабинете повисла тишина. Седых медленно обвел взглядом своих людей. — Значит, у нас преднамеренное убийство. Курьер, утюг, буква «Г»... Лаврин, ты всё еще думаешь про свою теорию?

— Больше, чем раньше, — Лаврин открыл свою тетрадь. — Фамилия курьера — Соколов. Но буква подчёркнута «Г».

— И куда твоя логика нас ведёт? — хмуро спросил Седых.

— Пока никуда. Но буква «Г» в слове «утюг»... Возможно, убийца метит не фамилии, а что-то другое. Или мы пропустили какой-то ход. Но Соколов Артём... Артём... Буква «А». Какая-то система есть.

— Законная логика требует фактов, а не гаданий, — стро-

го добавил Евдокимов. — Но направление мысли верное. Копайте глубже.

В этот момент вперёд вышел капитан Котов. Вид у него был помятый: галстук съехал набок, пальцы в пятнах от ко-пирки, но в руках он крепко сжимал папку с образцами. — Разрешите, товарищ полковник?

Котов дождался кивка Седых и разложил на столе несколько глянцевых листков. — По вашему заданию отработал все типографии города и два крупных рекламных агентства. Сначала была пустышка. Такие листовки печатают миллионными тиражами на самом дешевом офсете. Но мы зацепились за обрезку края. Видите? Углы чуть завалены, нож на станке явно «гуляет». Прошли по мелким частникам. Нашли.

Типография «Принт-Мастер» на окраине. Частная лавочка в подвале. Неделю назад к ним зашёл клиент. Заказал малый тираж — всего пятьсот штук. Расплатился наличными, паспорт не светил. Сказал, что для новой промо-акции магазина электроники.

— Образцы взял? — Руденко подался вперед.

— Взял, товарищ майор. Вот они, — Котов выложил чистый лист из той же партии. — Эксперты уже сравнили. Бумага, плотность, состав краски — один в один с тем буклетом, что нашли у покойного Соколова. Но есть нюанс. В официальном заказе типографии в слове «утюг» никакой подчеркнутой буквы нет. Весь тираж вышел чистым.

— То есть букву подчеркнули позже? — уточнил Лаврин, делая пометку в блокноте.

— Именно так, — кивнул Котов. — И подчеркнули вручную. Мы изъяли у печатника записи с камер наблюдения над входом. Качество дрянь, темно, но силуэт заказчика есть. Мужчина, среднего роста, в длинном плаще, на голове глуповатая кепка. Лица не поймали.

Седых нахмурился, барабанил пальцами по столу. — Значит, он сам заказывал тираж. Сам раздавал или подкинул Соколову?

— Пока неясно, товарищ полковник, — ответил Котов. — Но курьер Соколов этот буклет в руках держал уже с готовой меткой. Печатник вспомнил, что заказчик забрал всю пачку сам, курьеров не вызывал.

Евдокимов сделал жест рукой: — С этого момента все изъятия с камер и записи по «Принт-Мастер» оформляем процессуально через мои постановления. Работу Котова одобряю, материалы приобщаю к делу.

Седых обвёл взглядом присутствующих: — Молодец, Котов. Зацепился. Теперь у нас есть место, где «шахматист» зашел лично. Руденко, бери это видео, пусть технари выжмут из него максимум.

Седых поднялся, опираясь ладонями о стола: — Хватит гаданий! Слушать новые задачи.

Он посмотрел на Руденко: — Значит так. Твоя группа — в работу. Распределяй задачи по оперативникам: Искать чело-

века в темном длинном плаще (консультанта-шахматиста). Искать чёрный седан. Доложить результаты вскрытия и экспертизы. Искать человека в капюшоне на видео возле типографии.

Лаврину продолжать расшифровку буквы в буклете.

Седых, тяжело опершись ладонями о стол, обвёл взглядом присутствующих: — С «курьером» что? Родственники Соколова опознали его?

Гринёв открыл папку и кивнул:

— Да, вчера процедуру завершили. Соколов Артём Игоревич, двадцать шесть лет. Родных в Лесогорске у него нет — парень из области, жил в общежитии на окраине. Мать приехала вчера последней электричкой.

Седых: — Как прошло опознание?

Гринёв: — По официальному протоколу, товарищ полковник, сначала показал матери личные вещи. Она сразу узнала куртку службы «Экспресс-Доставка» — он в ней на последнюю побывку домой приезжал. А окончательно «сломалась», когда увидела его рюкзак с оторванной лямкой. Говорит, он еще в школе её сам зашивал, суровыми нитками...

Седых: — А прямое опознание?

Гринёв: — Провели. Мать его узнала. Шрам у него на подбородке — в детстве с велосипеда упал. Она на этот шрам смотрела и всё повторяла: «Сыночек, как же ты так... доставил посылочку». Лаврин там был тоже, еле её из морга вывел, корвалолом отпаивали.

Седых: — Двадцать шесть лет... — Он нахмурился. — Со всем пацан. Гринёв, что по общежитию? Почему там никто не забил тревогу?

Гринёв: — Да кому там забивать, товарищ полковник? Вахтерша сказала — думали, уволился или к девчонке переехал. Курьеры народ такой: сегодня здесь, завтра там. В «Экспресс-Доставке» тоже решили, что просто «соскочил» с заказа и скрылся. Никто не искал, пока мы ориентировку не выставили.

Евдокимов тяжело вздохнул, закрывая блокнот: — Прокуратура держит дело на особом контроле. Дата следующего совещания СОГ будет назначена дополнительно. У вас есть две недели. Всё, работайте.

Часть 7. Тетрадь Кузьмича.

Лаврин ехал медленно. Не потому, что дорога была плохой — просто в салоне старой «Лады» было слишком тихо, а мысли ворочались тяжело. Слова Седых всё ещё звучали в ушах: «Езжай к вдове. Забери тетрадь. Он всё туда записывал...»

Дом Кузьмича стоял в старом квартале. Пятиэтажка с облупившейся штукатуркой, двор, заросший сиренью, и подъезд, где пахнет варёной картошкой и старым деревом. Лаврин поднялся на четвертый этаж. Постоял немного, а потом постучал.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла Мария Степановна — маленькая, сухонькая, с покрасневшими глазами, но державшаяся удивительно прямо.

— Здравствуйте... Вы от Андрея Петровича? — голос её был тихим, но ровным.

— Да. Примите мои самые искренние соболезнования.

Она кивнула, будто это слово — «соболезнования» — уже стало привычным за последние сутки шумом. — Проходите. Он... он говорил о вас. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой, как блик на воде. Квартира была чистой и аккуратной, как у всех людей старой закалки. На столе — кружка с недопитым чаем, газета, сложенная пополам. И тетрадь — та самая, в потрепанном синем переплете, о ко-

торой ему сказал Седых — лежала рядом, будто ждала своего часа.

Мария Степановна осторожно взяла её, провела кончиками пальцев по обложке. — Он всегда всё записывал. Говорил: «Память, Маша, — штука капризная. Бумага — надёжнее. Она не врет и не забывает».

Она протянула тетрадь Лаврину двумя руками. — Возьмите. Если это поможет... значит, не зря он её вёл до последней минуты.

Лаврин принял тетрадь осторожно, как что-то живое. — Спасибо. Я обещаю — она будет в сохранности.

— Верните потом... — она вздохнула. — Хотя что мне теперь возвращать...

Он не нашёл, что ответить. Просто коротко кивнул и ушёл тихо, стараясь не тревожить воцарившуюся в квартире тишину.

Часть 8. Октябрь. Будни отдела.

Октябрь в городе наступил резко — с мокрым ветром, ранними сумерками и тем самым осенним запахом, который всегда приносит больше дел, чем хочется. Мелкий, колючий дождь перемешивался с облетающей листвой, превращая улицы в серое месиво. В отделе работа не затихала ни на час: в кабинетах сутками горел свет, пахло перегоревшим кофе и дешёвым табаком. Оперативники Руденко буквально жили «в полях», отрабатывая ту скудную нитку, что оставил им сентябрь. В отделе никто не говорил об этом вслух, но все чувствовали: время пошло. Две недели — и совещание. Две недели — чтобы вытянуть хоть что-то из того, что пока держалось на нитках.

Седых в тот день сказал коротко:

— Руденко: -- Твоя группа — распределяй задачи по оперативникам.

И работа началась.

1. Человек в тёмном плаще.

Гринёв ходил по дворам, как по лабиринту. Старики-шахматисты уже узнавали его издалека.

— Опять про того? — спрашивали они.

— Про того, — отвечал Гринёв.

Он показывал фоторобот, который составили по их словам: худой, высокий, тёмный плащ, капюшон, взгляд в сто-

рону.

— Видели? — Может, видел... — Может, не он... — Может, похож...

Октябрьский дождь моросил, капли стекали по плащу Гринёва, но он продолжал. Каждый вечер — тот же двор, те же лавочки, те же лица. И однажды старик в кепке сказал:

— Он приходил не играть. Он смотрел.

— На кого?

— На всех.

Гринёв записал. Это было мало. Но это было что-то.

2. Чёрный седан.

Агаев жил в камерах. В прямом смысле. Он сидел в тёмной комнате, где на стене висели мониторы, и перематывал запись за записью. Дворы, перекрёстки, парковки, магазины. — Стоп. Назад. — Ещё. — Увеличь.

Чёрный седан мелькал, как тень. То появлялся, то исчезал. Иногда — на секунду. Иногда — на полкорпуса.

Агаев ругался тихо, но упорно.

— Найду. Хоть по отражению в витрине.

И нашёл. На одной из камер — едва заметный отблеск номера. Не весь, но достаточно, чтобы сузить круг.

3. Вскрытие и экспертизы.

Седов работал уже и ночами. Лаборатория пахла спиртом, резиной и чем-то металлическим. Он изучал дигиталис, сравнивал образцы, проверял концентрации. Писал отчёты, перечёркивал, начинал заново.

— Это не аптечный раствор, — повторял он всем, кто заходил. — Это чистый экстракт. Кто-то знает, что делает.

Он нашёл следы редкого стабилизатора, который используют только в двух местах в городе. И это уже было направление.

4. Человек в капюшоне возле типографии.

Котов ходил по типографиям, как по храмам. Каждый мастер, каждый печатник, каждый стажёр — все видели его блокнот.

— Этот парень был у вас?

— В капюшоне? — Да, вот так выглядел.

Кто-то говорил: «Не помню». Кто-то: «Может быть». Кто-то: «Похож, заходил, спрашивал про бумагу».

Котов собирал всё — даже то, что казалось мусором. Потому что иногда мусор — это ключ.

5. Расшифровка буквы.

Буква «Г» лежала перед Лавриным, как загадка. Он выписывал все слова, которые могли иметь значение: Буква «Г». Город? Улица? Имя? Гаражи? Городская типография? Гость? Гамбит? Гроссмейстер?

Он смотрел на буклет, на тетрадь Кузьмича, на карту города. И чувствовал: буква — не случайность. Это начало.

Лаврин понял: круг начинает замыкаться.

Октябрь тянулся тяжёлым, мокрым месяцем. Каждый день приносил маленькие кусочки мозаики пока ещё не складывающиеся в картину. Пока ещё неясные. Но работа

шла. И все знали: скоро совещание и каждый должен прийти не с оправданиями, а с результатами. Потому что убийца уже сделал первый ход и второй — где-то рядом.

И 22 октября звонок секретаря начальника милиции позвал всех на это долгожданное совещание.

Часть 9. Совещание СОГ.

22 октября.

В кабинете полковник стоял у окна, глядя на мокрый асфальт внутреннего двора. Похороны Кузьмича всё ещё стояли перед глазами — и у него, и у подчинённых. Рядом за столом, скрестив руки на груди, сидел прокурорский следователь Евдокимов, готовый жестко спрашивать за каждый шаг следствия.

Он повернулся резко, будто щёлкнул внутренний выключатель. — Всё. Кончили поминать. Докладывайте. Ну? — Седых обвёл взглядом оперов. — Кто из вас первым скажет, что мы в тупике?

Оперативники выпрямились, блокноты раскрылись почти синхронно.

Гринёв поднялся первым. — Поднял всё, что было в архиве. Протоколы опросов — пустые. — Гринёв перевернул страницу: — Я сходил во двор к шахматистам и поговорил с ними. Старики помнят лучше, чем протоколы.

— И что? — спросил Седых.

— Никто толком не видел «молодого». В протоколах он проходит как «неустановленный свидетель». Но «молодой» действительно был. Не игрок. Стоял рядом, подсказывал одному из стариков. Тот, кто проиграл, уверял, что соперник «играл по подсказкам». Началась ссора. Толчок. Падение.

— Гринёв сделал паузу: — Старики говорят, что «молодой» после падения исчез. Ушёл быстро. Имя никто не знает. Но один запомнил: был в чёрной куртке, худой, лет двадцать пять.

— И? — поторопил Седых.

— И Кузьмич в тетради отметил эту запись буквой «Г». Я думаю, он хотел вернуться к этому парню.

Евдокимов поднял глаза от своих бумаг, внимательно посмотрев на Гринёва: — Запись в тетради покойного — это еще не вешдок, Гринёв. Но свидетельские показания со слов стариков нужно проверить процессуально. Найдите этого «молодого» в черной куртке, допросите официально с понятиями.

Седых кивнул, поддерживая прокурора: — Правильно. Продолжай копать двор, Гринёв. Старики — наше золото.

Агаев поднялся, щёлкнул ручкой. — По чёрному седану. Официальной системы слежения нет, но мы отработали через посты ГАИ и коммерческие точки. Он развернул блокнот: — Я обошёл частных: заправки, обменники, магазины по всему возможному маршруту от Северной до промзоны. Собрал всё, что смог, где камеры на фасадах висели.

— И? — Седых прищурился.

— На камере у автозаправки у въезда в промзону он мелькнул, а дальше — всё, слепая зона. Там заброшенные склады, сто пятьдесят выездов. Номера, как я и говорил, «левые», грязные. На камере у коммерческого «Ситимаркета»

седан свернул во двор, где уличных камер нет вообще. Через семь минут выехал уже без пассажира. Машину как корова языком слизнула. Мы прочесали все окрестные гаражи — тишина. Водитель профессионал: под объективы лицом не лез, маршрут знал наизусть.

— Значит, курьера высадили там? — уточнил Седых.

— Либо там его пересадили, — уточнил Агаев. — Номера грязные, но читаемые. Машина зарегистрирована на подставное лицо. — Он поднял глаза: — Я пробую по парковкам и штрафам. Машина где-то всплывёт.

Седых коротко кивнул: — Работай.

Руденко поднялся, держа в руках тонкую папку. — По Соколову — парень чист. Друзья — ноль. Коллеги — обычные курьеры, никто ничего подозрительного не видел. Никаких зацепок в личной жизни. Но с заказом утюга — полная чертовщина. Тот адрес на проспекте Мира... там живут глухие пенсионеры. Они утюг не заказывали, дверь курьеру не открывали. Соколов простоял у подъезда пять минут, кому-то позвонил — судя по всему, из ближайшего уличного таксофона по карточке — и ушёл. А через двадцать минут его уже видели садящимся в черный седан. Кто ему звонил в диспетчерскую службу — операторы толком не помнят, сменный парень был стажёром, записал заказ на клочке бумаги.

Он перевернул лист: — Долгов официальных нет. Но я проверил неофициально. Были мелкие долги по квартплате, закрытые месяц назад. Небольшие суммы. — Мотив? —

спросил Седых.

— Не вижу. Но есть одно: диспетчер «Молнии» подтвердил, что адрес доставки Соколова изменили в последний момент по телефону. Новый заказчик представился от имени клиента. Новый адрес — тот самый район, где его подобрал седан. Руденко поднял взгляд: — Кто звонил диспетчеру — пока неясно, городской коммутатор звонки с городских линий тогда не писал поголовно.

— Значит, его туда выманили, — тихо сказал Седых. — Похоже на то.

Седов поднялся последним. Видно было, что он нервничает.

Он выложил на стол протокол. — Препарат в концентрированном виде или в повышенных дозах может вызвать паралич сердечной мышцы. Чистый. Из аптек утечек нет, из больниц — тоже. Чтобы синтезировать такую концентрацию, нужно оборудование и голова на плечах. Я запросил данные по всем химическим лабораториям города, но это список на триста человек. Пока проверим каждого — зима наступит.

Седых тяжело вздохнул и посмотрел на Лаврина. Молодой следователь сидел, уткнувшись в тетрадь Кузьмича, и буквально сверлил глазами страницу с буквой «Г».

— По этому препарату. Такой концентрации нет ни в одной аптеке города. Это не раствор для сердца. Это чистый экстракт. Он разложил бумаги: — Я проверил НИИ, частные клиники, ветеринарные центры. Доступ к дигиталису есть

только у двух лабораторий. Одна — под охраной, туда не пролезть.

— Вторая? — спросил Седых.

— Частная. На окраине. Там работают трое. Один — химик-технолог, уволенный год назад. Седов поднял глаза: — И он пропал. Телефон выключен. По месту жительства не появляется.

Седых нахмурился:

— Вот это уже интересно.

Тетрадь Кузьмича.

Седых повернулся к Лаврину. — Лаврин! — прикрикнул Седых. — Очнись. У тебя что?

Лаврин вздрогнул. — Товарищ полковник. Я разобрал записи Кузьмича. Он действительно зацепился за того «молодого» из шахматного двора. — Он открыл страницу: — Вот пометка: «Н.К.Ш.» и ещё «Г.» — рядом с записью о шахматах.

— И что это значит? — спросил Седых.

— Я всё думаю про этот утюг. И про буквы «Н.К.Ш.» Кузьмич подчеркнул «Г». Но фамилия курьера — Соколов. Это «С». И Степанов был «С». Почему здесь «Г»? — Пока не знаю. Но буква «Г» есть и в буклете, который убийца подложил курьеру. — Лаврин поднял взгляд: — Это не совпадение. Он собирает буквы. Или оставляет метки. — Он выдохнул: — И Кузьмич это понял. Только не успел. Я перерыл все учебники по криминалистике, все справочники... Нет та-

кой системы. Убийца забрал почти все буклеты из сумки курьера. Значит, он будет использовать их дальше. На новых трупах. Он сделал паузу: — Он уже сделал первый ход. Думаю, скоро будет второй. Он с силой захлопнул тетрадь. — У нас нет ни одной ниточки, которая бы вела к живому человеку. Только этот буклет. Это издевательство, товарищ полковник. Он над нами смеется. Лаврин положил на стол тетрадь.

В кабинете повисла тишина.

Евдокимов нарушил ее спокойным, но жестким голосом: — Смеется тот, кто смеется последний, Дмитрий Олегович. А в вашей тетради не мистика зашифрована, а логика старой школы. Ищите связь между инициалами «Н.К.Ш.», буквой «Г» и пропавшим химиком. Прокуратура ждёт процессуального обоснования, а не догадок.

Седых обернулся, обвёл всех тяжёлым, как свинец, взглядом. — Значит так. — Он говорил тихо, но каждое слово резало воздух. — Если мы сейчас сдадимся — дело уйдет в архив как «висяк». А я обещал Марии Степановне, что мы найдем этого гада. — Но у нас ничего нет! — не выдержал Гринёв.

— Есть! — Седых ударил кулаком по столу. — У нас есть злость. Гринёв, Агаев — возвращаетесь на Северную. Опрашивайте каждого дворника, каждого алкаша, каждую бродячую собаку. Лаврин — а ты... ты читай тетрадь. Кузьмич не дурак был. Если он написал «Шахматы», значит, это шахма-

ты. Даже если мы в них играть не умеем. Это — долг перед Кузьмичом.

Седых посмотрел на Руденко: — Распределяй задачи по оперативникам.

Искать человека в тёмном длинном плаще (консультанта-шахматиста). Искать водителя чёрного седана. Искать человека в капюшоне на видео возле типографии.

Седову искать лаборатории, лечебные заведения, в которых может быть дигиталис (включая пропавшего химика).

Лаврину продолжать расшифровку буквы «Г» в буклете и буквы «К» (или «Н.К.Ш.») в записях и телефоне Соколова.

Седых посмотрел на часы. — Дату следующего совещания скажет секретарь. У вас есть две недели. Все свободны!

Евдокимов добавил, поднимаясь из-за стола: — По личным вещам и записным книжкам Соколова: Лаврину доложить мне лично сразу же после их изучения и расшифровки специалистами. Все процессуальные санкции на выемку документов и запросы в службу доставки оформляем строго по закону, задним числом ничего проводить не будем. Работаем чисто.

Оперативники поднялись почти одновременно. Каждый чувствовал: это уже не просто дело.

Часть 10. Второй ход. Октябрьский «Торт».

31 октября, 6:10 утра. Туман стелился по земле, как дым, и редкие фонари едва пробивали серую мглу.

В дежурной части ОВД тишина взорвалась резким, дребезжащим звонком. Дежурный, сонный и злой после двенадцати часов смены, сорвал трубку. — Дежурный по городу, слушаю...-- Где? Адрес? Кто обнаружил? — Принято. Да, записываю. Наряд выезжает.

Дежурный, закончив разговор с дворником, быстро проверил адрес, записал время — 6:10 — и сразу набрал первый номер, который должен был прозвучать в таких случаях.

— Товарищ майор, дежурный. Обнаружен труп во дворе магазина, адрес такой-то.

Руденко ответил мгновенно, без лишних слов: — Понял. Поднимай оперов. Я выезжаю.

Дежурный уже нажимал следующую кнопку.

— Котов, дежурный. Труп. Адрес такой-то. Выезжаешь немедленно.

— Принял.

Следующий звонок Гринёву: — Труп. Адрес такой-то. Выезд сейчас же.

— Есть.

Агаев ответил сонным, но собранным голосом: — Понял. Выхожу.

Дежурный переключился на эксперта-криминалиста: — Труп. Адрес такой-то. Выезд.

И только после этого набрал следователя:

Телефон Лаврина требовательно зазвенел — Лаврин слушает. — Дмитрий Олегович, у нас труп возле магазина хозтовары. Собачник нашёл. Группа уже на выезде. За тобой машина выехала, будет через пять минут. Адрес такой-то.

— Еду.

Дежурный по городскому отделу милиции снял трубку внутренней связи и набрал дежурного прокурора: Обнаружен труп во дворе, адрес такой-то.

Дежурный прокуратуры подтвердил, что сообщение принято, следователь выезжает

Следователь прокуратуры Евдокимов одевался, на ходу застегивая пальто набрал номер Лаврина, чтобы тот заехал за ним в прокуратуру и они вместе выехали на место.

Старая «Нива» следователя Лаврина подпрыгивала на ухабах разбитой дороги, а в это время начальник уголовного розыска города майор Руденко уже был возле найденного трупа. Евдокимов сидел на пассажирском сидении, на ходу застёгивая пальто, чтобы успеть на место происшествия одновременно с милицией — процессуальный закон требовал, чтобы осмотр по столь резонансному делу проводил именно прокурорский следователь.

Через двадцать минут возле магазина хозтовары уже мигали синие маячки. Иней покрыл пожухлую траву, превращая землю в белое колючее полотно.

Место происшествия.

Утро 31 октября выдалось промозглым и серым. У входа в магазин хозтоваров, на холодном тронутым инеем асфальте лежало тело мужчины, Жёлтая лента оцепления едва сдерживала толпу, собравшуюся здесь уже к семи часам утра — за целый час до открытия.

Но не за диковинным хозяйственным товаром или скидками прислали сюда этих людей холодный ветер и ранний час. Город всколыхнула новость, разнёсшаяся с быстротой молнии: убийство. И не просто очередная бытовуха, а уже второе за осень, приправленное странными слухами о рекламных буклетах, которые убийца оставляет как визитную карточку.

Толпа гудела, как растревоженный улей. Люди кутались в пальто, перешептывались, жадно вглядываясь в работу экспертов через плечи работников полиции. Каждый хотел своими глазами увидеть ту самую «метку», о которой уже шептались на каждом углу.

Толпа не просто стояла — она колыхалась, подаваясь вперёд при каждом движении эксперта. Люди, забыв про холод, жадно ловили обрывки фраз оперативников.

— Говорят, горло перерезано! — громко прошептала женщина в тяжёлом платке, крестясь.

— Да какое горло, Петровна! — оборвал её мужик в засаленной кепке. — Укол в шею, как и тому курьеру в сентябре. Я точно знаю, у меня кум в дежурке. И буклет в рот засунул!

— Матушка заступница... — слышалось в толпе. — Значит, правда? Маньяк завёлся? Книжный потрошитель?

Слухи множились на глазах, обрастая жуткими подробностями. Кто-то уже «видел» на месте преступления оккультные знаки, кто-то божился, что убийца был в маске черно-книжника.

Гринёв чувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Он видел, что лейтенант Лаврин, бледный от напряжения, пытается сосредоточиться на осмотре, но этот шёпот за спиной, эти жадные взгляды мешали работать.

— А ну, разошлись! — рявкнул Павел, делая шаг к ленте. — Цирк нашли?! Человек погиб, а вы тут сказки сочиняете!

— Имеем право знать! — выкрикнул кто-то из толпы. — Налоги платим, а вы убийцу упускаете! Второй уже!

Гринёв побагровел, его кулаки сжались. — Знать хотите? — он подошёл вплотную к ленте, нависая над самыми активными «знатоками». — Так я вам скажу: кто за черту шагнёт — поедет в отдел как соучастник за уничтожение улики. Желающие есть? Быстро по домам!

Павел обернулся к Лаврину, тяжело дыша: — Дима, надо щиты ставить или брезент. Они же сейчас на плечи нам сидят. Смотри, как глазами рыщут — буклет ищут. Им не человека жалко, им сенсацию подавай.

Евдокимов шагнул вперед, останавливаясь рядом с Лавриным, и холодно, с металлом в голосе произнес: — Правильно мыслишь, Гринёв. Только сенсацию мы им не подадим. Прессу — за вторую линию оцепления, ближе трех метров к телу не подпускать. Если кто-то сунется за ленту с камерой — изъятие пленки по протоколу за воспрепятствование следствию.

Лаврин поднял голову. В его глазах отражалась усталость и понимание: город больше не в безопасности. Теперь каждое их движение будет под лупой этой толпы. — Спокойно, Паша, — тихо ответил Лаврин. — Пусть лают. Главное, чтобы под руки не лезли. Ищи Котова, пусть берет показания у тех, кто пришёл первым. Среди этой толпы может стоять и наш «автор». Наблюдать за результатом.

Евдокимов одобрительно кивнул молодому следователю, держа репортёров на мушке взглядом: — Ищите-ищите. Кто-то из этих зрителей явно пришел посмотреть, как работал его очередной «ход».

Лаврин поднял голову. В его глазах отражалась усталость и понимание: город больше не в безопасности. Теперь каждое их движение будет под лупой этой толпы.

Его слова потонули в нарастающем гуле моторов. К магазину, визжа тормозами, одна за другой начали подъезжать машины с логотипами местных газет и телеканалов. Хлопанье дверей, резкие команды операторов, звон штативов — репортёры прибыли на «пир».

Толпа недовольно загудела, неохотно и медленно расступаясь под напором прессы. Журналисты, работая локтями и объективами, пробивались к самому телу. Посыпались громкие, бесцеремонные вопросы, защёлкали затворы фотоаппаратов, ослепляя оперативников вспышками.

Ограждающая лента под этим двойным напором — зевак и прессы — натянулась как струна. Казалось, ещё одно усилие, один рывок за «сенсацией», и она лопнет, впуская этот хаос прямо на место преступления.

Павел Гринёв увидел, как колышется тонкий пластик, и среагировал мгновенно. Широко расставив руки, он решительно, плечом, начал отодвигать репортёров назад. Толпа качалась, как тяжелая волна, упиралась, но Гринёв не отступал. Лента на мгновение ослабла, а затем снова опасно натянулась, готовая порваться в любой момент.

— Назад! Всем назад! — гремел Павел.

Агаев, оценив угрозу, бросился на выручку Гринёву. Вдвоём, навалившись всем весом, им с трудом удалось оттеснить людскую массу на несколько метров, возвращая следствию те драгоценные шаги «стерильной зоны», которые так пытались украсть объективы камер.

Павел Гринёв, крепкий и решительный, стоял в первом ряду оцепления. Он еще не знал, что через десять дней пуля или нож маньяка отправят его на больничную койку, действовал жестко и уверенно. — Куда прешь?! — Гринёв плечом оттеснил оператора местного канала, который пытался

заглянуть камерой через плечо судмедэксперта. — Сказано же: за черту!

— Дайте информацию! Город имеет право знать! — выкрикивала из толпы бойкая журналистка. — Это правда, что это уже второе убийство с рекламным буклетом?

Лейтенант Лаврин, присевший у тела жертвы, поморщился. Каждое слово прессы за спиной больно било по нервам. Он чувствовал на себе их взгляды — для них он был просто «мальчишкой в форме», который вряд ли справится с настоящим зверем. — Паша, убери их ещё на три метра, — тихо попросил Лаврин, не оборачиваясь. — Они нам весь обзор закрыли.

— Сделаем, лейтенант, — отозвался Гринёв. Он развернулся к прессе и рявкнул так, что пара репортёров невольно отступила: — Всем отойти! Работает следственная группа! Ещё одна попытка прорвать линию — и поедете в отдел за создание помех следствию. Котов, Агаев — плотнее ряд!

Журналисты заворчали, но подчинились силе. Однако вспышки фотоаппаратов продолжали слепить, фиксируя бледное лицо лейтенанта,

Труп лежал с задней стороны магазина хозтоваров. Молодой мужчина, лет двадцати пяти. Куртка тёмная, капюшон сполз на плечи. Лицо спокойное, будто человек просто присел отдохнуть.

Но все знали — это не отдых.

Собачник стоял в стороне, держа на поводке овчарку, ко-

торая нервно тянула носом воздух.

— Я... я его не трогал, — сказал он, глядя на Руденко. — Собака нашла. Я только фонариком посветил...

— Всё правильно сделали, — ответил Руденко.

Гринёв и Агаев уже были там — бледные, замёрзшие, с тоскливым выражением лиц.

— Опять? — коротко бросил Седов, останавливаясь над телом.

Осмотр места происшествия.

Седов присел рядом с телом. Холодный воздух вырывался из его рта белым паром.

На земле лежал молодой мужчина. Лет двадцать пять-двадцать восемь. Дорогое спортивное пальто, чистые туфли — явно не из местных бродяг. Лицо спокойное, глаза приоткрыты, на губах — едва заметная, почти умиротворенная улыбка.

— Копия Соколова, Андрей Петрович, — хмуро доложил Гринёв. — Ни следов борьбы, ни крови. Смерть во сне. Седов уже осмотрел предварительно — на шее под челюстью точка. Микроскопический прокол. Препарат гликозид, без вариантов.

— Время смерти? — строго уточнил Евдокимов, делая пометку в своем блокноте.

— Ориентировочно часов девять-десять назад. Внешне — то же самое, — сказал Седов тихо, поднимаясь. — Быстрая смерть. Следов борьбы нет. — Он посмотрел на Лаври-

на: — Подтвержу после вскрытия.

Евдокимов кивнул, фиксируя слова эксперта: — Понятые приглашены? Фиксируйте каждую деталь в протоколе осмотра места происшествия лично, Дмитрий Олегович. Это второй эпизод, ошибки быть не должно.

Котов тем временем фотографировал каждый сантиметр. Гринёв обходил периметр, заглядывая в туман между контейнерами. Агаев уже переговаривался с дежурным по условным камерам: — Камеры возле магазина кондитерских изделий? Дайте всё с восьми вечера. Да, всё. И соседние улицы тоже.

— Карманы? — Лаврин посмотрел на эксперта, работающего с вещами.

В полиэтиленовом пакете лежал точно такой же рекламный буклет типографии «Принт-Мастер». Тот же желтоватый офсет, те же заваленные края обрезки, о которых на совещании докладывал Котов. Но содержание — другое.

На первой полосе крупно:

«Только у нас. 100 видов сладостей: Нуга, Джелато, Торты и другое!» И под словом «Нуга» — жирная, чёткая, подчёркнутая буква: «Н».

Лаврин выдохнул: — Он снова подчёркивает букву, но теперь уже первую букву первого товара.

Евдокимов шагнул ближе, всматриваясь в бумагу через прозрачный пакет: — Буква «Н», — в голосе прокурорского следователя зазвучал холодный металл. — Снова почерк

типографии «Принт-Мастер». Тот же автор, та же система. Руденко подошёл ближе, нахмурившись: — Какая буква? — «Н», — повторил Лаврин. — Документы есть? — Лаврин обернулся к эксперту.

— В карманах нет ничего, кроме этого буклета, — показал головой Седов.

Тело погрузили в машину и увезли. Оперативники разошлись по своим направлениям, оцепление сняли.

Лаврин стоял у бетонного забора, держа в руках копию буклета. Туман тянулся по земле, как дым. Буква «Н» смотрела на него, как знак, который он пока не умеет читать.

Евдокимов, кутаясь в пальто, подошел к следователю и положил руку ему на плечо: — Поехали, Дмитрий Олегович. Оформляем протокол, поднимаем типографские списки по этому заказу. «Шахматист» сделал второй ход.

А где-то в городе убийца уже готовил следующую букву.

Утро 31 октября, 8:50.

Начальник милиции полковник Седых вошёл в здание чуть раньше девяти. Дежурный поднялся из-за стола, выпрямился и шагнул навстречу. — Товарищ полковник, разрешите доложить.

Седых кивнул.

Дежурный отчеканил: — В 6:10 поступило сообщение о трупe во дворе магазина хозтовары, адрес такой-то. Сразу сообщил начальнику УГРО майору Руденко — он выехал. По его указанию поднял оперативников: Котова, Гринёва, Агае-

ва — выехали. Эксперт-криминалист — выехал. Следовательно Лаврину сообщил, за ним отправлена служебная машина. Он на месте.

Сообщение в районную прокуратуру уже передано, телефонограмма зафиксирована

Седых слушал внимательно, взглядом отмечая каждую фамилию и коротко кивнул.

Утро полковника Седых началось с сухих распоряжений. Едва войдя в управление, он вызвал секретаря, лейтенанта Светлану.

— Светлана, обзвони оперативников, эксперта, следователя Лаврина --- на совещание в четырнадцать ноль-ноль.

Внеочередное совещание (31 октября, 14:00)

Это совещание должно было стать моментом истины. В кабинете Седых было не продохнуть от напряжения — тихо, как перед грозой. Оперативники сидели как натянутые струны, никто не шевелился. Начальник милиции вошёл быстро в кабинет. Октябрьский холод снаружи казался пустяком по сравнению с тем ледяным спокойствием, с которым полковник посмотрел на своих подчиненных.

Седых не садился. Он стоял у окна, заложив руки за спину, и молча смотрел на город, где под утренним инеем нашли второго человека. Повернувшись, он обвёл взглядом присутствующих. Взгляд задержался на каждом: уставший Руденко, сосредоточенный Лаврин, помятые оперы, и рядом с ними — собранный, молчаливый Евдокимов, готовый в любой

момент дать жёсткую юридическую оценку услышанному.

— Ну что, господа офицеры, — голос Седых был тихим, но в нём вибрировала опасная нота. — Пока мы искали призраков в плащах, у нас под носом выставили ещё одну «фигуру»: убийца сделал второй ход, а у следствия по-прежнему больше вопросов, чем ответов. Только эта фигура теперь в морге, и фамилия у неё на букву «Н». А вообще — нужно её определить.

Он бросил на стол папку и сказал: — Коллеги, у нас второй труп за месяц. Второй — с тем же почерком, тем же способом убийства, тем же буклетом. Это уже не случайность. Это последовательность. И если мы не поймём её сейчас — будет третий.

Евдокимов слегка приподнял руку, останавливая полковника на секунду, и жёстко бросил: — С процессуальной точки зрения это уже серия. И квалифицировать мы это будем соответствующе. Так что прекращайте гадания, давайте факты.

Седых кивнул прокурорскому следователю, соглашаясь, и сел во главе стола: — Правильно. Сегодня внеочередное совещание. Мне нужны не оправдания, а результаты. Первичные выводы по второму убийству тоже. Теперь — сверяем, что было поручено на совещании двадцать второго октября, и что сделано.

Он кивнул Лаврину: — Лаврин, освежи память присутствующим. Что было поручено на совещании 22 октября?

Каков был план на эти две недели? Озвучь.

Лаврин встал, открыл папку и ровным, сухим голосом зачитал список: — Согласно протоколу от 22 октября, задачи распределены следующим образом:

Оперативной группе: ещё раз проверить все записи в записной книжке курьера Соколова за последний месяц. Полная детализация, входящие, исходящие, удалённые, скрытые номера.

Поиск: установить личность человека в тёмном длинном плаще (предположительно консультанта-шахматиста). Опрос двора, шахматистов, поиск по камерам, фоторобот.

Найти водителя чёрного седана. Маршрут через посты ГАИ, частные камеры, парковки, штрафы, АЗС.

Установить личность человека в капюшоне, заснятого возле типографии. Сравнение походки, одежды, времени появления, поиск по соседним камерам.

Седову — проверить все лаборатории и медучреждения, где может быть доступ к дигиталису.

Лаврину — продолжать расшифровку букв: буквы «Н.К.Ш.» в записной тетради Кузьмича, буквы «Г» в буклете первого трупа и буквы «К» в записях Соколова. Сопоставление с записями Кузьмича, с маршрутами, с окружением погибших.

Лаврин закрыл папку и сел. В кабинете стало слышно, как тикают настенные часы. — Это всё, что было поручено.

Седых поднялся, медленно, будто собирая в себе сталь: —

Было достаточно времени, чтобы найти ответы на эти задачи. И сегодня каждый докладывает по двум направлениям сразу: Что сделано по поручению от 22 октября. Что сделано сегодня по ходу расследования второго трупа.

Он посмотрел на Руденко: — Нужно понять, где эти линии пересекаются. Руденко, начинай ты. Где твой водитель, где твой плащ и что вы нашли за эти шесть часов? Кратко и по делу.

Майор Руденко тяжело вздохнул, выложил на стол свежую сводку:

- По поручению от 22 октября:

1. Проверка записей Соколова - доложит Котов.

Котов поднялся: — Записная книжка и бумаги Соколова изучены полностью. Получены данные за последний месяц: контакты, записи, адреса доставки. Что найдено: Один подозрительный номер без имени, который появляется трижды — короткие записи о встречах. Два разорванных черновика, восстановлены частично: «...подъеду...» и «...там же...». Последний адрес доставки — за 40 минут до смерти. Абонент не установлен, заказ шел через диспетчерскую.

Сегодня по второму трупу:

Котов продолжил доклад по новому телу : — Товарищ полковник, на четырнадцать ноль-ноль ситуация следующая. Место происшествия — магазин кондитерских изделий. Труп мужчины, возраст 25–30 лет, одет прилично, не дешево. Пальто из дорогой шерсти, часы механические. Но би-

рок на одежде нет — срезаны профессионально. Внешних признаков насилия — ноль. Личность на данный момент не установлена. В карманах пусто: ни документов, ни зацепок. Совместно с Гринёвым и Агаевым начали первичный обход ближайшего сектора и гаражного кооператива. Пока результат нулевой. Никто покойного не опознал, подозрительных лиц в округе ночью не видели. Работаем вслепую. Котов продолжил

Евдокимов уточнил, не отрывая глаз от записей: — Бирки срезаны профессионально — значит, убийца боялся быстрой идентификации по ателье или магазинам. Это профессиональный почерк. Учтите это при отработке торговых точек.

2. Человек в капюшоне возле типографии Котов продолжил: — По человеку в капюшоне. Обошёл все типографии и копировальные точки. Показал фото. Двое сотрудников сказали, что похожий заходил — спрашивал про бумагу и сроки печати. По камерам: Сегодня по второму трупу: на въезде в район магазина кондитерских изделий в 4:52 утра зафиксирован тот же седан. Выехал в 5:11. Водитель не выходит из машины. Лицо не видно. На соседней улице он попал в объектив. Лицо закрыто, но походка совпадает с тем, кто был возле шахматного двора.

3. Поиск человека в тёмном длинном плаще - доложит Гринёв. Гринёв поднялся, держа блокнот: — По консультанту-шахматисту. Опросил двор, шахматистов, со-

седей. Фоторобот уточнён. Старики подтверждают: он приходил не играть, а наблюдать. Всегда стоял в стороне, не садился. По камерам частных и видеозаписям: На одной из камер соседнего дома зафиксирован силуэт в длинном плаще. Рост примерно 185–190, ходит быстро, голову держит вниз. Лицо не видно.

4. Поиск водителя чёрного седана доложит Агаев. Агаев говорил коротко, как всегда: — По чёрному седану. Маршрут от Северной отслежен через заправки и частные камеры. Дальше — пропал. Что сделано: Обошёл частные камеры: магазины, шиномонтажи, офисы. На одной камере — отражение номера в витрине. Номер частично читается: ...47К.

Майор Руденко добавил: — Запрос по всем машинам с окончанием номера «47К» по области мы уже направили в ГАИ через дежурку, ждем ответа.

Евдокимов кивнул, одобряя действия оперативников: — Правильно, Руденко. Параллельно поднимите базы угнанных и утраченных госномеров за последние полгода — если номера «левые», они могли числиться в утерях.

Доклад эксперта Седова: Экспертиза

По поручению от 22 октября (Яд): — Проверил все официальные поставки дигиталиса в больницы. Учёт жёсткий, ампула в ампулу. Но в НИИ сердца две недели назад произошел инцидент: лаборант случайно разбил флакон с концентратом... или сделал вид, что разбил. Лаборант сейчас

на больничном, по адресу не проживает. Ищем.

По сегодняшнему труп: — Причина смерти — остановка сердца. Тот же яд, та же дозировка. Укол в шею, сзади. Смерть наступила мгновенно, парень даже испугаться не успел. В карманах — абсолютно пусто. Ни ключей, ни кошелька. Только этот буклет.

6. Расшифровка букв «Г», «К» и «Н» Лаврин поднялся последним: — По букве «Г» в буклете первого трупа и записям Соколова. Провёл сопоставление с записями Кузьмича, маршрутами, окружением погибших. Выводы:

Буквы не случайны. Они появляются в разных местах: буклет, тетрадь Кузьмича.

«Г» — связана с шахматной историей.

«К» — появляется в записях Соколова и в его маршруте.

Сегодня по второму труп: в сентябре первый труп — на буклете подчеркнута буква «Г» в конце последнего, третьего слова «Утюг», в тетради Кузьмича тоже буква «Г», в записях — «К», а в октябре в кармане второго трупа на буклете буква «Н» — это первая буква первого слова «Нуга», — вслух произнес Лаврин, и его голос сорвался.

— Нуга — настоящая восточная по происхождению сладость с орешками. Вторая сладость на буклете: Джелато — это популярный итальянский замороженный десерт из свежего коровьего молока, сливок и сахара, с добавлением ягод, орехов, шоколада и свежих фруктов. Он идёт по графику. Почти раз в месяц. Это уже система, пока не понятная и тре-

бующая расшифровки. Он собирает последовательность. Но пока мы не знаем какую.

Лаврин закрыл блокнот.

Евдокимов перелистнул страницу своего блокнота, глядя на Лаврина с холодным аналитическим интересом: — Логика прослеживается, Дмитрий Олегович. Ноль мистики, чистая комбинаторика. Он действительно ведет нас по цепочке.

Седых дослушал молча. Затем посмотрел на Лаврина: — Лаврин, у тебя в тетрадке Кузьмича про букву «Г» что-нибудь есть?

Лаврин медленно поднял глаза: — Товарищ полковник, в записях Кузьмича была пометка на полях: «Г» — «запертая фигура». Это должен быть третий ход. И судя по всему, убийца идет по фамилиям или именам. Нам нужно срочно устанавливать личность парня. Пока мы не знаем его фамилию, мы не поймем смысл его хода.

Седых поднялся, посмотрел на всех: — Было достаточно времени, чтобы выполнить поручения. Сегодня каждый отчитался. Теперь — работаем дальше. Убийца сделал второй ход. Третий будет скоро.

Он кивнул: — Продолжаем работать. Руденко, распределить задания каждому оперативнику:

Продолжать поиск свидетелей для установления личности второй жертвы. Проверить отпечатки по базе. Обзвонить все больницы, проверить сводки по области по розыску пропавших. Отработать сейчас дорогие фитнес-клубы и офисные

центры (парень явно следил за собой, руки ухоженные). Продолжать поиск человека в тёмном длинном плаще — консультанта-шахматиста. Продолжать поиск водителя чёрного седана. Продолжать поиск человека в капюшоне возле типографии.

Эксперту Седову доложить результаты вскрытия и анализов токсикологии.

Лаврину продолжать расшифровку букв «Г», «К» и «Н» в связке с записями Кузьмича.

Евдокимов поднялся вслед за Седых, поправляя ремень папки: — По всем направлениям сбора доказательств и выемок — задействуете мои постановления. Работу СОГ держу на личном прокурорском контроле.

Седых посмотрел на часы: — Дату следующего совещания сообщит секретарь. У вас есть две недели. Все свободны!

Оперативники поднялись почти одновременно. Каждый чувствовал: это уже не просто дело — это игра, в которой они пока делают ходы вслепую.

Осада на крыльце отдела внутренних дел (ОВД).. (31 октября, вечер). Речь Седых.

Свет софитов бил Седых прямо в лицо, превращая его фигуру в темный, монументальный силуэт на фоне массивных дверей управления. Воздух дрожал от выкриков. Репортёры, почуяв слабинку в официальных сводках, нападали сворой.

— **Андрей Петрович!** — перекрикивая коллег, вырвался вперед молодой парень с эмблемой городского телекана-

ла. — Источники в больнице подтверждают: смерть наступила от инъекции неизвестного вещества. Это тот же яд, что и в сентябре? Вы признаёте, что в городе действует серийный убийца?!

Седых тяжело оперся о парапет. Вспышки фотоаппаратов на мгновение выхватили его плотно сжатые губы. — По факту обнаружения тела возбуждено уголовное дело, — голос полковника звучал сухо и казенно. — Следствие отрабатывает все версии, включая личную неприязнь и попытку ограбления.

— Какое ограбление, полковник?! — взвизгнула журналистка из «Вечернего листка». — У жертвы нашли рекламный буклет с подчеркнутыми буквами! Такой же, как у первой жертвы! Как вы это объясните? Это почерк «Буклетного маньяка»?

Толпа зашумела. Слово «Маньяк» повисло в холодном октябрьском воздухе, как приговор.

— Подробности оперативно-розыскных мероприятий не разглашаются в интересах следствия, — Седых едва заметно качнулся вперед, подавляя прессу авторитетом. — Любые спекуляции о «почерке» на данном этапе — это игра на нервах горожан. Милиция работает в усиленном режиме.

— Усиленный режим не воскресит убитых! — выкрикнули из задних рядов. — Кто следующий? Владельцы аптек? Продавцы конфет? Где гарантии безопасности?!

Седых поднял руку, прерывая очередной выкрик о «бук-

летном маньяке». Его взгляд, тяжелый и прямой, заставил замолчать первые ряды репортеров.

— Послушайте меня внимательно, — голос полковника зазвучал тише, но в этой тишине была сталь. — Я обращаюсь к вам не только как начальник милиции, но и как человек, отвечающий за безопасность каждой семьи в этом городе.

Он сделал шаг вперед, к самому краю ступеней.

— Вы гонитесь за сенсацией. Вы придумываете звучные прозвища и смакуете детали, которые ещё не подтверждены следствием. Но помните: каждое ваше неосторожное слово, каждое «жареное» предположение — это брошенная в толпу спичка. Паника убивает не хуже преступника. Она парализует город, заставляет людей совершать ошибки и мешает нам работать.

Седых обвел толпу суровым взглядом.

— Ваша задача — освещать события объективно и спокойно. Не раздувайте страх там, где нужно хладнокровие. Мы не скрываем факты, мы защищаем тайну следствия, чтобы преступник не узнал наши следующие шаги из ваших же газет. Хотите помочь городу? Тогда призывайте к бдительности, а не к истерике.

— Но люди боятся, полковник! — выкрикнули из толпы уже не так уверенно.

— Именно поэтому вы должны быть голосом разума, а не рупором ужаса, — отрезал Седых. — Милиция работает в усиленном режиме. Мы патрулируем улицы, мы проверяем

каждый сигнал. Но нам нужна ваша помощь — спокойное содействие, а не погоня за тиражами на чужом горе. Комментарии окончены.

Полковник резко развернулся и ушел, оставив репортеров в непривычном замешательстве. Гул за его спиной теперь был не яростным, а скорее озадаченным.

В вестибюле Седых тяжело оперся о стену и посмотрел на лейтенанта Лаврина.

К нему подошел бледный лейтенант Лаврин. — Слышишь их, лейтенант? — Седых кивнул на дверь, за которой продолжало бурлить море человеческого гнева. — «Буклетный маньяк»... Они уже дали ему имя. А это значит, что завтра город проснётся в панике. И если мы не расшифруем в кратчайшие сроки этот твой, он посмотрел в блокнот, -- «Нуга» — этот гул превратится в вой.

— Я призвал их к совести... — Седых горько усмехнулся. — Половина из них завтра всё равно напишет про «кровавый след», но хотя бы вторую половину мы заставили задуматься.

Седых посмотрел на Лаврина исподлобья: — Иди, лейтенант. И не смей возвращаться без зацепки, чтобы завтра я мог сказать этим «акулам пера» что-то более существенное, чем просьбы о спокойствии. Иди. Нам нужно опередить его до того, как он сделает следующий ход.

Часть 11. Ноябрь. Будни отдела.

Гринёву достался самый неблагодарный кусок — **установление личности второй жертвы**. Стёртые ноги и лица в толпе Он часами пропадал в офисных центрах «Сити», показывая охранникам и секретаршам посмертное фото парня. — Посмотрите внимательно. Высокий, кашне, пальто дорожное... — Гринёв повторял это в сотый раз за день. Он же методично отрабатывал дорогие фитнес-клубы. Парень был в хорошей форме, такие люди следят за собой. Гринёв проверял списки клиентов, сопоставлял рост и возраст. Вечерами он возвращался в отдел с распухшими ногами, но в блокноте пока было пусто. Собачник, нашедший тело, тоже ничего нового не добавил — испуг и туман стерли все детали.

Погоня за призраками на колесах.

Агаев буквально жил в отделе ГАИ, перетирая с инспекторами и пытаясь выудить хоть что-то из архивов. Он пересматривал десятки потрёпанных видеокассет, собранных с постов и редких частных камер наблюдения у магазинов.

— Ну не может иномарка просто испариться! — рычал он, вглядываясь в зернистую картинку. Он проверял каждую похожую машину, каждый штраф, выписанный за превышение скорости в ту ночь. Параллельно Агаев обзванивал **больницы и морги области**. Он искал «висяки» — людей, похожих по описанию на нашего «Н», которые могли пропасть

раньше или позже. Его стол был завален ориентировками, но «чёрный призрак» умело обходил все ловушки «Безопасного города».

Тени в капюшонах и темные плащи.

Котов буквально «ослеп» от мониторов. Его задачей был **человек в капюшоне у типографии и «консультант» в длинном плаще**. — Походка, — твердил Котов, — походка не врёт. Он сравнивал видео с типографии с кадрами из сквера. Он искал ту самую деталь — едва заметный упор на правую ногу. Котов объездил все магазины мужской одежды, торгующие такими плащами. — Сколько продано за сезон? Кто покупал? — Он тряс продавцов, надеясь на чудо, на случайную фамилию в базе лояльности магазина. Но плащ был слишком безликим, а капюшон — слишком глубоким.

Дежурная часть и дактилоскопия.

В лаборатории сутками крутилась база. **Отпечатки пальцев «Н»** прогнали через все федеральные учеты: судимые, призывники, госслужащие, загранпаспорта. — Чисто, — выносил вердикт техник. — Парень не «засвечен». Никаких проблем с законом, никакой службы в органах. Это значило только одно: покойный был из «чистых» — обычный гражданин, чьи пальцы никогда не касались сканера.

Лабораторная тишина.

Эксперт - криминалист Седов в своем морге был похож на алхимика. Он еще раз перепроверял **токсикологию**. — Концентрация дигиталиса идеальная, — докладывал он

Лаврину. — Никаких посторонних примесей. Это работа профи. Седов продолжал обзванивать частные лаборатории и лечебные центры, где яды могли списать «под шумок». Он искал ту самую лазейку, через которую смерть попала в руки «шахматиста». Каждое вскрытие подтверждало: почерк не меняется.

Центр паутины.

Лаврин сидел в кабинете, обложенный тетрадью Кузьмича и рапортами оперов. Его задача была самой трудной — **расшифровать логику**. Буква «Г», буква «К» в телефоне, буква «Н» в кондитерском буклете... Он чертил схемы, накладывал места преступлений на карту, сопоставлял даты. Лаврин понимал: пока опера ищут людей и машины, он должен найти *мысль* убийцы. Если «Н» — это сладость и фамилия на «Н», то кто следующий? «О»? «П»?

Ноябрь тянулся медленно, съедая нервы и силы. Город затихал в предчувствии зимы, а в отделе каждый знал: через две недели придется смотреть в глаза Седых. И цена молчания в этот раз будет слишком высока.

Глава 2. Вечерний эндшпиль

Часть 1. Послание из темноты.

20:42. Дежурная часть отдела милиции.

Ноябрь в этом году был тяжёлым — влажным, серым, вязким. Город будто провалился в полусон, и даже редкие прохожие двигались медленно, как в густом тумане. В кабинетах уже горел дежурный свет. В отделе тоже царила тишина: после октябрьского убийства Лаврин был уверен, что до следующего у них есть время. Месяц. Как минимум.

Но 9 ноября, в 20:42, телефон в дежурной части тишину разорвал звонок. Он взвыл так резко, что даже опытный дежурный вздрогнул.

— Дежурная часть, слушаю... Пауза. — Принял. Передаю следственной группе. Он поднял глаза на уходящего домой Лаврина:

— Труп. Мужчина. Возле магазина кондитерских изделий.

Лаврин замер. — Как... кондитерских? — он нахмурился. — Это же... Он не договорил. Все поняли.

Это должно было случиться через месяц. А случилось — через две недели.

— Группа, собираемся, — коротко сказал он. — Выезд. Вызов. Район речного порта, служебный вход «Лакомки». Труп.

Дежурный по городскому отделу милиции снял трубку

внутренней связи и набрал дежурного прокурора: Обнаружен труп во дворе, адрес такой-то. Дежурный прокуратуры подтвердил, что сообщение принято, следователь выезжает

Евдокимов на ходу позвонил Лаврину, чтобы тот забрал его на место происшествия.

Место происшествия.

Кондитерская «Сладкий Рай» светилась тёплым жёлтым светом, но вокруг было пусто. Туман стелился по асфальту, как тонкая вата. Тело лежало в тени здания — аккуратно, почти бережно у входа в кондитерскую «Сладкий Рай». Витрина, подсвеченная розовым неоном, казалась издевательством на фоне застывшего тела Виктора Ивашова.

Руденко, Гринёв, Агаев и Седов прибыли на место через пятнадцать минут. Следом, едва притормозила машина, из неё вышли **Евдокимов и Лаврин**. Они сразу направились к оцеплению, на ходу надевая перчатки.

— Кто сообщил? — спросил Лаврин, перешагивая через лужу.

— Продавщица, закрывала смену, — доложил Гринёв. — Вышла выбросить мусор, наткнулась на него. Сейчас в «скорой», у неё истерика. Труп ещё тёплый.

— Значит, убийца ушёл прямо перед ней? — процедил Лаврин. — Агаев, перекрой выезды из квартала! Быстро!

Евдокимов, подойдя к ним, коротко кивнул оперативникам, сохраняя ледяное спокойствие: — Гринёв, обеспечьте сохранность следов на подходах. Павел, мне нужен полный

перечень всех лиц, находившихся в магазине в последние полчаса. Дмитрий Олегович, работаем по протоколу.

Осмотр места происшествия.

Лаврин подошел к телу. Мужчина лет сорока пяти в дорогом пальто выглядел так, будто просто присел отдохнуть. Но голова была неестественно запрокинута. — Опять укол? — спросил Лаврин, глядя на эксперта.

Седов, хмуро включая мощный фонарь, покачал головой: — Нет, Дима. Удар по затылку — один, точный. Удушение — без лишних повреждений. Посмотри на воротник. Он отогнул кашне. На шее багровела тонкая, как нить, борозда.

— Удавка? — уточнил Лаврин.

— Тонкая струна, — подтвердил Седов. — И посмотри на затылок — гематома. Его сначала оглушили, а потом доушили. Борьбы почти не было, всё заняло секунды. Смерть наступила максимум час назад.

— Почему не яд? Он же мастер тихих инъекций, — нахмурился Лаврин.

— Вечер, темнота, — пояснил эксперт. — Здесь проще было ударить, чем искать вену. Убийца адаптируется под местность.

Евдокимов, внимательно слушавший эксперта, сделал пометку в блокноте: — Значит, методика меняется. Ищите оружие убийства — струну или проволоку. Седов, время смерти?

— Не более часа назад, — ответил эксперт - криминалист.

Агаев, вернувшись из тени, добавил: — Камеры на магазине разбиты. Кто-то профессионально вывел их из строя до убийства. Это был не случайный налёт. Его ждали.

3. Новогодний буклет: Послание из темноты

Седов, работая в перчатках, аккуратно обследовал карманы покойного. Бумажник, ключи, паспорт — всё на месте. Он подал паспорт Лаврину: — И ещё у него в кармане... этот пакет. Лаврин взял паспорт и пакет. Внутри — яркий спортивный буклет. На обложке при свете фонарика заголовок заиграл яркими красками: **«ВСЁ ПОД ЁЛОЧКУ КЛАДИТЕ, МИМО НАС НЕ ПРОХОДИТЕ!»** А ниже — перечень слов: Духи, Конфеты, Браслет.

Лаврин нахмурился: — Что за чёрт... Опять буква подчеркнута, но теперь в среднем слове — «Ф». Буква «Ф» в слове «Конфеты». Четвертая по счету.

Евдокимов склонился над пакетом: — Ивашов Виктор Павлович. 45 лет.

— Опять «квитанция», — мрачно констатировал Гринёв. — Похоже, наш «спортсмен» сделал очередной ход.

— Лаврин, — жестко произнес Евдокимов, — уберите буклет в сейф-пакет. Это вещдок по особо важному делу. И никакой прессе ни слова о букве.

-- Игорь Михайлович, всё осмотрел?

-- Седов. Можно отправлять труп в морг. Труп увезли.

Гринёв, оцепите зону плотнее, тут репортеры нарисовались.

Но было поздно. Тишину разорвал надрывный гул моторов. Две машины, визжа тормозами, затормозили у самой ленты, подняв вихрь из мокрого снега и палой листвы. Громко хлопнули двери, посыпались резкие, привычные команды операторов.

Лаврин выпрямился, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Опять... — выдохнул он, зажмурившись от первой же ослепительной вспышки фотоаппарата.

Репортёры уже почуяли новую кровь. Через секунду их вопросы посыпались градом, перекрывая шум ветра: — Лейтенант! Это третья жертва? Вы признаёте, что маньяк сменил график? Почему он убил сегодня, а не в конце месяца?

Лаврин зажмурился на мгновение, чувствуя, как пульсирует в висках.

Вопросы сыпались градом, перекрывая шум ветра: — Это правда, что у него во рту нашли буклет?! — Как вы объясните жителям, что убийца гуляет на свободе?! — Почему милиция обещала безопасность, а убийства участились?! — Это правда, что у «Сладкого Рая» найден такой же буклет?!

Лаврин смотрел на объективы камер, и ему казалось, что это не техника, а дула пистолетов, целящиеся прямо в него. Паника, о которой предупреждал Седых, уже не просто стучалась в двери — она ломилась внутрь вместе с этими вспышками.

— Павел! — крикнул Лаврин, ища глазами Гринёва. — Закрывай обзор!

Но гул толпы, привлечённой шумом прессы, нарастал. Девятое ноября перестало быть тихим вечером. Оно превратилось в начало большого, кровавого хаоса, который Лаврину предстояло как-то остановить.

Лаврин выпрямился, убирая блокнот в карман. Его лицо в свете софитов казалось серым и застывшим, как у покойника за его спиной. Он посмотрел прямо в объектив ближайшей камеры и произнес сухим, надтреснутым голосом:

— Следствие только начато. Пока нет никаких подробностей. Все вопросы — к начальнику милиции.

— Но лейтенант! Всего один комментарий по букве! — не унималась пресса.

Лаврин чувствовал, как внутри всё сжимается, но Евдокимов встал перед ним, перехватывая инициативу: — Дмитрий Олегович, занимайтесь трупом и протоколом. Прессу беру на себя.

Прокурорский следователь вышел к репортерам, его лицо было непроницаемым. — Граждане журналисты! — его голос звучал властно, перекрывая гул толпы. — Никаких комментариев по существу дела не будет. Все вопросы — через пресс-службу прокуратуры. Любое разглашение деталей следствия до официального релиза будет расценено как препятствование правосудию.

Лаврин тем временем, пользуясь заминкой, которую устроил Евдокимов, быстро направился к машине, оставив репортеров за натянутой лентой, и быстрым шагом напра-

вился к служебной машине.

— Паша, Агаев — заканчивайте здесь! — бросил он на ходу, захлопывая дверцу.

Оперативники разошлись. Агаев и Котов скрылись в темноте соседних дворов, опрашивая редких прохожих.

-- Гринёв, давай на перекрытие территории возле магазина, может кого ещё успеем увидеть.

Лаврин сидел в темноте салона, сжимая руль до белизны в костяшках. «Девятое ноября...» — стучало в голове. Опять буква. Но теперь в среднем слове. Ивашов... Виктор Павлович... Почему ты, Виктор? И почему сейчас, а не в конце месяца?

Гринёв, ещё не знал, что этот вечер закончится для него в операционной, привычно страховал периметр.

Свидетельница из «Лакомки» (9 ноября, 21:15)

У входа в магазин стояла машина скорой помощи. Лаврин вместе с Евдокимовым подошел к врачу, который как раз закрывал чемоданчик.

— Как она? — коротко спросил прокурорский следователь.

— Вкололи успокаивающее, — ответил фельдшер. — Состояние нормализовалось, истерику купировали. Говорить может, но недолго — скоро потянет в сон. У вас минут десять, не больше.

Лаврин и Евдокимов поднялись в салон «скорой». На кушетке, ябко кутаясь в казённое одеяло, сидела женщина

средних лет. На бейджике значилось: «*Марина Сергеевна, старший продавец*».

Опрос:

Лаврин (мягко): — Марина Сергеевна, я следователь Лаврин, а это — прокурорский следователь Евдокимов. Нам очень жаль, что вам пришлось через это пройти. Вы можете подтвердить, во сколько именно вы вышли во двор?

Продавщица (голос чуть подрагивает, но звучит ровно): — В восемь сорок... Мы закрыли кассу, я пошла вынести коробки к дебаркадеру. Фонарь на углу мигал, темно так было... Я сначала подумала, что это манекен из соседнего отдела одежды кто-то выкинул. Подошла ближе, а это...

Лаврин: — Вы узнали этого человека?

Продавщица: — Господи, конечно... Это же Ивашов Виктор Павлович. Наш заместитель директора по логистике. Он часто заезжал под закрытие, проверял отчеты, иногда забирал остатки выпечки для благотворительности. Хороший был мужик, строгий, но справедливый.

Евдокимов слегка наклонился вперед, фиксируя детали в блокноте: — Скажите, Марина Сергеевна, вы видели кого-нибудь рядом? Может быть, тень, хлопок двери, звук шагов?

Продавщица: — Нет... Тишина была какая-то неестественная. Только снег этот мокрый шуршал. Но знаете... — она запнулась, — когда я только открыла дверь на рампу, мне показалось, что за углом склада мелькнул кто-то. Высокий

такой, в длинном чём-то. Я ещё подумала: «Опять охранник курит в неподобающем месте». Но охранник наш в это время на центральном входе был.

Лаврин: — Длинное пальто или плащ? Тёмного цвета?

Продавщица: — Тёмного. Как тень. Совсем беззвучно ушёл. Я даже шагов не слышала по гравию.

Евдокимов: — Виктор Павлович был один? Или он с кем-то приехал?

Продавщица: — Машины его на стоянке не было. Видимо, пешком шёл от офиса, тут срезать через дворы всего пять минут.

Завершение и вызов в отдел:

Лаврин закрыл блокнот. Он видел, что веки женщины тяжелеют — лекарство начинало действовать.

Лаврин: — Спасибо, Марина Сергеевна. Вы очень помогли. Сейчас вас отвезут домой, постарайтесь выспаться.

Продавщица: — Мне теперь в этот двор страшно выходить будет...

Евдокимов добавил твердо, но успокаивающе: — Мы разберёмся, обещаю. Завтра к десяти часам утра я жду вас в прокуратуре для официального оформления протокола допроса. Дмитрий Олегович организует транспорт, и наш художник составит фоторобот того, кого вы видели за углом. Сможете?

Продавщица (слабо кивнув): — Приду. Куда я денусь...

Лаврин и Евдокимов вышли из машины скорой. К ним

тут же подошел Гринёв.

— Ну что, Дима? — нетерпеливо бросил Гринёв..

— -- Узнала. Ивашов Виктор Павлович. Логист, — ответил Лаврин. И видела «тень» в длинном плаще. Ушёл за секунды до того, как она закричала.

-- Ищите у входа следы протектора, — добавил Евдокимов, застегивая пальто. Утром жду вас всех у меня на совещании по этому эпизоду.

Лаврин посмотрел на часы: 21:30. — Завтра в десять она будет оформляться.

Ноябрьская ночь окончательно вступила в свои права. Уличные фонари раскачивались от ветра, бросая рваные тени на мокрый асфальт. Гринёв, подняв воротник куртки, решительно направился к третьему корпусу соседней многоэтажки.

Нужная квартира нашлась на втором этаже. За дверью послышался приглушенный лай маленькой собачки, а затем осторожный женский голос: «Кто там?»

Часть 2. Свидетель из третьего корпуса.

Гринёв приложил удостоверение к глазку. — Уголовный розыск, капитан Гринёв. Светлана Петровна, не пугайтесь. Нам нужно задать вам пару вопросов по поводу происшествия в «Лакомке».

Дверь приоткрылась на цепочку. На пороге стояла женщина в домашнем халате с аккуратной укладкой. Увидев серьёзное лицо капитана, она вздохнула ипустила его в прихожую.

Опрос: «Человек у витрины».

Гринёв: — Светлана Петровна, извините за поздний визит. Продавщица Марина сказала, что вы были в магазине около половины девятого. Вы помните мужчину, который стоял у витрины с тортами прямо перед вами?

Светлана Петровна: (она прижала руку к груди) — О господи, неужели что-то случилось? Я видела полицию во дворе... Да, стоял там один. Станный такой.

Гринёв: — В чём именно заключалась его странность? Постарайтесь вспомнить детали: лицо, рост, во что был одет?

Светлана Петровна: — Высокий, сутулился немного. На нём было такое длинная куртка, как пальто, тёмная-тёмная, почти чёрная. Но странным мне показалось не это. Он

стоял у торгов, но на них даже не смотрел. Он... он смотрел в отражение витрины. Как будто за улицей наблюдал через стекло.

Гринёв: — Лицо видели? Он на вас посмотрел?

Светлана Петровна: — Я прошла мимо него к прилавку с хлебом. Он чуть повернул голову... Лицо худое, бледное очень. Нос с горбинкой. И очки! Знаете, такие старые, в тонкой металлической оправе. Но самое жуткое — это его взгляд. Холодный такой, пустой. Он на меня посмотрел всего секунду, а у меня аж мурашки по коже пошли. Знаете, как будто он меня не как человека видит, а как вещь мешающую.

Гринёв: — Он что-нибудь купил? Говорил что-то?

Светлана Петровна: — Ни слова. Когда Марина ко мне подошла, он просто развернулся и вышел. Но знаете, что я заметила? У него из кармана торчал уголок какой-то газеты или журнала. И на руках были перчатки... тонкие, кожаные. Даже в магазине не снял.

Звонок Лаврину

Гринёв вышел на лестничную клетку и тут же набрал номер следователя.

Гринёв: — Дима, я её нашел. Светлана Петровна — мировая женщина, память как у Штирлица.

Лаврин: — Говори. Есть приметы?

Гринёв: — Записывай: рост около 180, худощавый, сутулится. Лицо бледное, нос с горбинкой. Главная примета — очки в тонкой оправе и «пустой» взгляд. Она подтвердила

«плащ». И ещё — он не торты выбирал, он в витрину как в зеркало смотрел, караулил кого-то на улице.

Лаврин: — Караулил Ивашова... Понял тебя. Нос с горбинкой и очки — это уже зацепка для фоторобота. Гринёв, завтра к девяти вези её в отдел. Пусть с Мариной вместе посмотрят на наброски.

Гринёв: — Сделаю. Но знаешь, что она ещё сказала? Что он на неё посмотрел, как на «мешающую вещь». Этот тип явно не в себе, Дима. Совсем.

Часть 3. Ночной «Шах».

(9 ноября) 23:45. Подъезд третьего корпуса.

Гринёв вышел от Светланы Петровны, но слова Лаврина «Осторожнее там» не выходили из головы. Взгляд «пустой, как у вещи»... Этот тип не уйдет просто так. Капитан принял решение мгновенно: домой не ехать.

Он поднялся на полпролёта выше, в густую тень за мусоропроводом. Отсюда отлично просматривалась дверь квартиры №12. Гринёв проверил табельный пистолет Макарова (ПМ) в кобуре, вздохнул и приготовился ждать. Ноябрьская ночь за стенами подъезда дышала холодом.

1. Тень у двери.

Прошло чуть больше часа. Гринёв уже начал сомневаться в своей интуиции, когда внизу, на первом этаже, скрипнула входная дверь. Шаги были... нет, их почти не было. Едва слышное шуршание, словно сухой лист катится по бетону.

Гринёв: (мысленно) — Медленно идёт. Слушает. Пя-

тый... четвертый... третий...

Тень отделилась от лестничного марша и замерла у двери Светланы Петровны. Высокий, сутулый силуэт. В тусклом свете дежурной лампочки блеснули стекла очков. Незнакомец достал из кармана тонкий набор отмычек.

Гринёв: (сжимая рукоятку пистолета, но не вытаскивая его) — Давай, давай, ломай. Мне нужно, чтобы ты проник внутрь.

Раздался тихий щелчок. Дверь приоткрылась на пару сантиметров. Убийца, не снимая кожаных перчаток, сунул руку во внутренний карман пальто — Гринёв увидел хищный блеск узкого лезвия ножа.

Гринёв: — (резким рывком выскакивая из тени) — СТО-ЯТЬ! МИЛИЦИЯ!

2. Схватка в коридоре.

Убийца среагировал мгновенно, но Гринёв был быстрее. Опер с разбегу набросился на него, припечатывая к двери. Капитан жестким захватом обхватил шею противника левой рукой, а правой попытался заблокировать руку с ножом, застрявшую в кармане.

Гринёв: (рыча от напряжения) — Руку! Руку покажи! Резким рывком корпуса Гринёв опрокинул убийцу на пол. Падение вышло жёстким. Капитан почувствовал, как его кулак, нацеленный в лицо, встретил препятствие — хрустнул то ли нос, то ли оправа очков. Противник взвыл, но не от боли, а от ярости.

Гринёв: (мысленно) — Всё, спеленал. Агаев, где тебя черти носят?!

Но Шахматист оказался гибким, как змея. Каким-то невероятным, неестественным вывертом корпуса он сумел высвободить ногу и с размаху ударил Гринёва тяжелым ботинком в колено. Боль прошила ногу капитана, захват на секунду ослаб. Этого мгновения убийце хватило. Он выхватил нож из кармана. Короткий, злой взмах снизу вверх. Гринёв успел отпрянуть, но лезвие зацепило плечо, разрывая куртку и кожу.

Гринёв: — Сволочь! От резкой боли в плече рука Гринёва, сжимавшая запястье убийцы, на долю секунды разжалась. Убийца, брызгая кровью из разбитого носа, вскочил на ноги и бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через пролёты.

3. Упущенный шанс.

Гринёв, преодолевая боль в колене и плече, выскочил следом. — **СТОЯТЬ! СТРЕЛЯТЬ БУДУ!** Он вылетел во двор. Но ноябрьская тьма и густые тени деревьев надёжно укрыли беглеца. Только вдалеке послышался визг шин резко стартующей машины.

Гринёв: (тяжело дыша, опираясь на ствол дерева) — Ушёл... Тварь, ушёл. Боль в плече становилась нестерпимой. Гринёв снял куртку. Рубашка быстро пропитывалась кровью. Он стиснул зубы, достал из кармана куртки запасной ремень и туго перебинтовал руку чуть выше раны. Кровь остановилась. Он подошёл к неподалёку стоящей телефон-

ной будке и дрожащей рукой и набрал Лаврина.

Гринёв: — Дима... Он приходил. К Светлане Петровне. В 00:30. С ножом.

Лаврин: (сонным голосом, который мгновенно стал трезвым) — Что?! Ты где?

Гринёв: — Во дворе третьего корпуса. Я его упустил, Дима. Взял его на двери, скрутил, но он вырвался. Тварь гибкая. Ножом меня зацепил, плечо. Кровь остановил.

Лаврин: — Гринёв, держись! Скорую сейчас вышлю. А что со свидетельницей?

Гринёв: — В квартире. Дверь я прикрыл. Он до неё не добрался. Но, Дима... он знает, где она живет.

4. Ход Лаврина.

Через пятнадцать минут двор «Лакомки» снова озарился маячками. Приехала «скорая» для Гринёва и — по личному приказу Седых, которого Лаврин поднял среди ночи — тяжёлый броневедомитель ОМОНа.

Два бойца в полной экипировке, с автоматами, поднялись на второй этаж и встали живым щитом у двери №12. Светлане Петровне, которая от шума драки за дверью пребывала в обморочном состоянии, врачи скорой вкололи дозу успокоительного.

Лаврин стоял во дворе, глядя, как врач перевязывает плечо Гринёву. — Ну что, Дима? — Гринёв поморщился, когда спирт коснулся раны. — Ты был прав. Осторожность зашкаливает.

Лаврин: (глядя на окровавленные осколки очков на асфальте у подъезда) — Он не просто осторожный, Гринёв. Он играет ва-банк. Покушение на свидетеля... Это значит, мы наступили ему на хвост. Завтра же Светлану Петровну вывозим в безопасное место. ОМОН будет дежурить здесь круглосуточно.

Лаврин посмотрел в сторону тёмного стадиона «Авангард». — Это не просто «Шах», Гринёв. Это угроза мата. Но мы приняли этот вызов.

Ночной «Шах».

10 ноября. 01:15 ночи. Подъезд третьего корпуса.

Синие маячки ОМОНовского броневика ритмично разрезали ноябрьскую тьму двора. У подъезда, где час назад кипела схватка, теперь царила деловая, напряженная тишина.

Гринёв, с туго забинтованным плечом и мертвенно-бледным лицом, сидел на подножке «скорой». Врач заканчивал закреплять повязку. Лаврин стоял рядом, куря сигарету за сигаретой, его взгляд был устремлен на бетонное крыльцо.

Из темноты подъезда вышел эксперт Седов. На нём был стерильный халат поверх куртки, в руках — пластиковый кейс. Он опустил на корточки у самой двери, туда, где Гринёв нанёс свой коронный удар.

1. Сбор улики.

Лаврин: (подходя ближе) — Седов, ну что там? Наскреб хоть что-то? **Седов:** (не поднимая головы, включая мощный светодиодный фонарик) — Тише ты, Лаврин. Тут ювелир-

ная работа. Твой опер попал ему точно в переносицу. Оправа хрустнула, стекла посыпались. Седов аккуратно, пинцетом, поднял с бетона крошечный, изогнутый осколок стекла.

Седов: — Вот. Осколок линзы. Судя по изгибу — диоптрии серьезные. Минус три, не меньше. У нашего «Ночного гостя» плохое зрение.

Лаврин: — Очки... Светлана Петровна говорила про очки в тонкой оправе. Это подтверждает её слова.

Седов: — И оправка металлическая. Вот, зацепилась за край коврика. Тонкая дужка. Сломана пополам. Седов бережно опустил осколки в прозрачный пакет. Затем он посветил фонариком чуть левее, на стену. Там, на уровне колена, виднелось несколько темных, почти черных брызг.

2. Кровь на асфальте.

Седов: — А вот и главный приз ночи. Кровь из разбитого носа. Гринёв, ты молодец. Ты заставил его истечь кровью на месте преступления.

Гринёв: (слабым голосом с подножки) — Я старался... Жаль, мало добавил.

Седов: — Хватит. Главное — генотип. Он достал стерильный ватный тампон на длинной ножке, смочил его в физрастворе и аккуратно, почти нежно, провел по багровым пятнам на стене. Тампон мгновенно окрасился в бурый цвет.

Седов: — Всё. Гематологический след взят. Прямо сейчас везу в лабораторию. К утру у нас будет его группа крови и резус-фактор. А через трое суток — полный ДНК-про-

филь. Если он когда-нибудь попадал в базу данных — мы его вычислим.

Лаврин: — Седов, делай всё по ускоренной программе. База федеральный розыск, все медучреждения области. Нам нужно имя.

3. Финал ночи.

Седов закрыл кейс и поднялся.

Седов: — Лаврин, Гринёва — в стационар. Рана неглубокая, но плечо задето, нужна ревизия и противостолбнячный укол.

Лаврин: — (кивнув) — Сделаем. ОМОН остается здесь до особого распоряжения. Двух бойцов — в квартиру к Светлане Петровне, двух — на периметр двора Он посмотрел на часы. 01:45. До утра оставалось всего несколько часов. Город спал, не зная, что этой ночью убийца впервые оставил след, который может привести его на эшафот.

Лаврин: (мысленно) — Кровь и очки... Это уже не призрак, это человек. У него есть имя, адрес и... разбитый нос. Мы найдем тебя, гроссмейстер. До декабря мы тебя найдем.

Ноябрьская ночь 10 ноября выдалась промозглым, с тем самым липким туманом, который пробирает до костей. Лаврин не спал почти сутки, и визит в госпиталь для него — не просто долг вежливости, а надежда зацепиться за последнюю деталь, которую Гринёв мог вспомнить в бреду или сразу после наркоза.

Глава 3. Тупики и просветы

Часть 1. Запах хлорки и пороха.

10 ноября. 02:30. Ведомственный госпиталь МВД.

Предъявив удостоверение охране, Лавров вошёл в госпиталь. В коридорах госпиталя стояла та специфическая тишина, которая бывает только в учреждениях, где лечат людей в погонах: строгая, сухая, пропитанная запахом спирта и антисептиками, которые Лаврин терпеть не мог. Но сегодня он шёл быстро, почти не замечая запахов. Гринёв был жив — и это было главным. Лаврин, в накинутом на плечи белом халате, который был ему явно мал, шел по кафельному полу, и звук его шагов эхом отдавался в пустоте.

У поста медсестры он столкнулся с дежурным хирургом — седым подполковником с усталым, но внимательным взглядом. На бейджике значилось: «Олег Викторович».

1 . Разговор с врачом: Вопросы и ответы.

Лаврин: — . Олег Викторович, здравствуйте. Я следователь Лаврин, по поводу капитана Гринёва. Как он?

Врач: (поправляя очки) — Жить будет, лейтенант. Крепкий у вас парень, жилистый. Рана на плече неприятная, рваная. Нож прошел по касательной, но задел дельтовидную мышцу. Наложили восемь швов. Плюс колено — сильный ушиб, гематома, но связки целы.

Лаврин: — Он в сознании? Говорить может?

Врач: — Очнулся почти сразу после операции. Мы вко-

лоли ему антибиотики и немного обезболивающего, так что он может быть слегка... заторможенным. Но на вопросы, думаю, его хватит. Только недолго, ему нужен покой.

Лаврин: — Олег Викторович, ещё один момент. На одежде Гринёва или на его руках... вы не заметили ничего странного? Кровь, запах, посторонние частицы?

Врач: (задумался) — Крови было много, Осколки стекла как от очков мы из куртки вытряхнули —. Но вот что интересно... когда мы обмывали Гринёву руки, от его ладоней шёл отчетливый запах.

Лаврин: — Какой именно?

Врач: — Специфический. Смесь типографской краски и... какой-то химии. Вроде той, что используют в фотолабораториях или при проявке плёнок. Знаете, такой едкий, кислотавый душок. Гринёв ведь ранен был нападавшим, как мне сказали? Вот и «напитался».

Лаврин: (быстро записывая в блокнот) — Типография и фотохимия... Понял вас, доктор. Спасибо. Можно к нему?

Врач: — Идите. Вторая палата по коридору. Но помните: десять минут, не больше.

В палате у Гринёва.

Палата встретила Лаврина запахом лекарств и косым лучом бледного солнца. Гринёв лежал на спине, плечо было плотно замотано белоснежной повязкой, правая нога в эластичном бинте покоилась на валике. При виде Лаврина опер попытался приподняться, но поморщился от боли.

Лаврин: — Лежи, герой. Не дёргайся. Как сам?

Гринёв: (голос хриплый, пересохший) — Как после поезда... — Гринёв попытался усмехнуться, но поморщился. — Но жить буду.

— Это уже хорошо.

-- Дима... Ну что, взяли кого по крови?

Лаврин: — Работаем, Гринёв. Седов подтвердил вторую отрицательную. Очки — индивидуальный заказ. Слушай, Гринёв, врач сказал про запах. От твоих рук пахло химией. Ты что-нибудь помнишь? Как он дышал? Что-то говорил?

Гринёв: — Дышал он... как машина. Ни одного стога, когда я ему нос ломал. Только сипел немного. А запах... Да, Дима. Когда я его за шею захватил, прямо под носом у меня было его пальто. Пахло старьем, бумагой и этой... гарью химической. Как будто он в подвале живет, где газеты десятилетиями гниют.

Лаврин: — А голос? Хоть слово?

Гринёв: — Одно слово. Когда он меня ножом пырнул и я его руку отпустил... он прошептал, почти выдохнул: «Цугцванг».

Лаврин: — «Цугцванг»? — Лаврин замер. — Шахматный термин. Положение, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

Гринёв: — Он считает, что мы уже проиграли, Дима. Что бы мы ни делали — мы делаем хуже для себя. Он не маньяк, он фанатик. У него в голове не мысли, а комбинации.

Лаврин: — Посмотрим, кто из нас в цугцванге. Отдыхай, Гринёв. Завтра Светлану Петровну перевезем. ОМОН на месте. Ты сделал главное — ты показал ему, что он смертен. Его кровь теперь у нас.

Гринёв тяжело вздохнул. — Лаврин... он не случайный... — Я знаю. — Он... следил...

— Потом поговорим. Сейчас тебе нужно силы беречь, отдыхай, выздоравливай.

Гринёв хотел что-то добавить, но глаза снова закрылись — не от боли, а от усталости.

Лаврин вышел из палаты, и его лицо окаменело. «Цугцванг»... Убийца не просто прятался, он наслаждался своей неуязвимостью. Но теперь у Лаврина было три зацепки: запах типографской химии, очки с диоптриями и редкая группа крови.

В коридоре врач тихо сказал: — Всё. На сегодня достаточно. Он вымотан.

— Понял. Завтра зайду ещё.

— Завтра — можно. Но не раньше обеда.

Лаврин кивнул, поблагодарил и пошёл к выходу. Коридор снова пах антисептиком, но теперь запах казался тяжелее.

Он думал только об одном:

Если Гринёв говорит, что за ним следили — значит, убийца уже давно играет с нами.

И я снова не понимаю его правил.

Часть 2. След крови и разбитые стекла. Тупики и просветы.

10 ноября. 07:30. Кабинет Лаврина.

Утро началось с экстренного звонка. Лаврин, злой от бессонницы и адреналина, тёр покрасневшие глаза и уже пять минут висел на телефоне, отчитываясь перед прокурорским следователем.

— Арсений Валентинович,— голос Лаврина был сиплым от утренней сырости и пережитого шока. — Ночью этот ублюдок попытался добраться до свидетельницы, Светланы Петровны. Гринёв вовремя подстраховал, ждал у подъезда. Сошлись врукопашную. Павел знатно ему приложил, но и сам получил — сейчас в больнице, в операционной. Убийце удалось вырваться и уйти в темноту, но уходил он с разбитым лицом. На месте остались осколки его очков и следы крови из разбитого носа. Эксперт Седов уже забрал образцы по горячим следам: кровь, линзы и волос, зацепившийся за дужку. Свидетельницу мы охраняем, ее дом под круглосуточной охраной бойцов ОМОНа. Работу продолжаем.

Первая встреча.

10 ноября. 7:50. До общего оперативного совещания в отделе оставалось совсем немного времени. Лаврин, только-только вернувшийся из госпиталя, быстрым шагом шёл

по коридору. Вместо того чтобы сразу идти в кабинет, он свернул к лаборатории и осторожно постучал в тяжелую дверь кабинета эксперта Седова.

— Можно? — негромко спросил он, приоткрывая дверь.

В кабинете Седова было тихо. Помощница эксперта, криминалист лейтенант Любовь Павловна Шевцова, сидела у окна и сосредоточенно рассматривала что-то в окуляр мощного микроскопа. Услышав голос, она отстранилась от прибора и повернулась.

В приоткрытую дверь сначала несмело просунулась голова Лаврина, а затем и он сам — осторожно, как-то боком, словно боялся задеть казенные шкафы с реактивами, зашёл в комнату. Люба вопросительно и с любопытством посмотрела на гостя.

— Здравствуйте, — поздоровался Лаврин. — Я... я зашёл узнать результаты экспертизы. И сам не зная почему, парень вдруг почувствовал, как горячая кровь предательски прихлынула к его щекам. Лаврин мысленно выругался, но поделаться со своим румянцем ничего не мог.

— Здравствуйте, — ответила Люба. Она не стала отводить глаз, с искренним интересом и почти откровенно разглядывая смутившегося Лаврина. Заметив, как густо парень пошёл пятнами, она мягко, ободряюще улыбнулась:

— Да вы не смущайтесь так. Седов только что ушёл наверх, пошёл лично докладывать полковнику Седых.

— Спасибо... тогда я, пожалуй, пойду, — только и смог

вымолвить Лаврин, окончательно смущённый её прямым, открытым взглядом.

Уже у самого порога он вдруг переборол себя, решительно поднял голову и в упор посмотрел на Любу. Их взгляды встретились на короткую, звенящую секунду. Лаврин круто повернулся и почти выскочил в коридор, тихо притворив за собой дверь.

Люба еще несколько минут так и стояла у стола, задумчиво глядя на закрытую дверь. В памяти упорно крутилось это внезапно покрасневшее мужское лицо и какой-то особенный, как ей показалось, умоляющий и незащитный взгляд молодого сыщика. Она тихо, про себя улыбнулась, поправила халат и снова села за микроскоп. Прошло всего несколько секунд, а ей уже захотелось, чтобы этот лейтенант зашёл к ним снова.

Совещание в 14:00 у полковника Седых.

В кабинете начальника милиции висела такая тишина, что было слышно, как гудит люминесцентная лампа. Седых сидел в кресле, не шевелясь. Перед ним на столе лежали: рапорт Гринёва из госпиталя, протокол осмотра от Лаврина и предварительная справка Седова.

Присутствовали все: Лаврин, Седов, Агаев, Котов, хмурый Руденко и прокурорский следователь Евдокимов, занявший место в углу стола с неизменной папкой в руках.

Седых (тихо, почти шёпотом): — Вы понимаете, что произошло сегодня ночью? У нас под носом маньяк едва не за-

резал ключевую свидетельницу. Прямо в жилом доме. После того, как мы там уже побывали. Ранен Гринёв.

Он резко поднял глаза на Лаврина.

Седых: — Лаврин! Как Гринёв? Почему ОМОН не стоял там с вечера?

Лаврин: — Я был в госпитале у Гринёва. Врач разрешил зайти к нему. Наложили швы на плечо. Главное — жизненно важные органы не повреждены. Опросил его. А ОМОН... Виноват, Андрей Петрович. Недооценил дерзость убийцы. Думал, он заляжет на дно после убийства Ивашова.

Седых: — Думал он... Он всё просчитал наперёд, как заправский шахматист. Условно назовём его теперь «Шахматист», а такие не залегают на дно, они делают ответный ход! Если бы не Гринёв, у нас сегодня было бы два трупа и ноль свидетелей.

Евдокимов спокойно перевернул страницу в блокноте, добавляя жестким тоном: — С процессуальной точки зрения это уже покушение на убийство свидетеля в связи с расследованием уголовного дела. Статья тяжелая. И ответственность за безопасность ложится на нас всех.

Агаев: — Товарищ полковник, по больницам он не проходил. Видимо, зашился сам. По больницам после ночной драки: проверил троих с травмами лица. Один — алкаш, упал с лестницы (50 лет, не наш тип). Второй — боксер-любитель (20 лет, не подходит). Третий — жертва ДТП. Нашего «очкарика» нигде нет. Видимо, у него свой запас медика-

ментов

Седов: — Группа крови у него вторая отрицательная. Это зацепка. Плюс очки — заказная оптика.

— В базе и по всем криминальным учетам ДНК нашего «Шахматиста» не числится, Седов положил конверт на стол перед Седых. — Это значит — человек абсолютно чист перед законом. В тюрьмах не сидел, по малолетству не привлекался, в поле зрения милиции никогда не попадал. Словно из воздуха соткаться. Но! По предварительному тесту из Центральной лаборатории, у нас есть одна зацепка. В образце крови, взятом с буклета, обнаружены следы очень специфических химических реактивов. Такие используются исключительно при реставрации старых, редких книг...

Доклад Котова

2.1 Работа по типографии и «консультанту» в плаще. Кто заказывал буклеты? О квартире-призраке.

— По типографии ситуация ещё закрученней. Заказ на буклеты пришел через онлайн-сервис. Оплата через кошелек.. Доставка курьерской службой в почтовый ящик дома №42 по улице Чехова. Квартира №15.

Седых: — Кто хозяин?

Котов: — Хозяин — некий **Белов**, работает по контракту инженером в **Германии** уже два года. Но главное: **буклеты отправлены курьером в почтовый ящик.**

2.2. Поиск курьера.

Курьер — молодой парень, подрабатывающий доставка-

ми:

— Ящик? Да, помню.

— Кто забрал?

— Не знаю. Я просто опустил конверт в ящик.

2.3. Адрес почтового ящика.

Квартира оказалась пустой. Соседка присматривает за квартирой.

2.4. Опрос соседки.

Соседка, баба Шура, присматривает за цветами. Одинокая пожилая женщина, в халате, с тревожным взглядом, божий одуванчик. Говорит: — В почтовый ящик я не заглядываю. Зачем? Там всё пусто. — Кто-то приходил к квартире? — Нет. Никого. Я бы услышала. Мы вскрыли ящик при ней — действительно пусто. Чисто сработано. Убийца просто имел дубликат ключа от подъезда и ящика в пустующем доме.

Цепочка оборвалась.

Руденко: — Мы уже начали трясти все «Оптики» в центре города по заказам на минус три с четвертью с астигматизмом.

Седых (ударил ладонью по столу): — Этого мало! У нас на календаре 10 ноября. По вашей логике, следующее убийство в декабре, только где и когда? Лаврин, что там на буклете написано, давай ещё раз разберём.

Лаврин, пролистав свой блокнот: — **«ВСЁ ПОД ЁЛОЧКУ КЛАДИТЕ, МИМО НАС НЕ ПРОХОДИТЕ!»** А ниже

— перечень слов, думаю, названия подарков: Духи, Конфеты, Браслет. Подчёркнута буква «Ф».

Седых: — Он над нами насмехается. Своим буклетом он нам прямо указывает, что очередная его жертва будет связана с магазином, где их продают. А вот время совершения убийства нам предстоит решить. Тем более, что он ускоряется! Думали, что он будет поддерживать схему месячных убийств. Но он решил по-другому. Мы опять плетёмся следом за ним. Вы видели, как он дрался с Гринёвым? Это не книжный червь, это тренированный боец.

Седых встал и подошёл к телефону: — Света, мне полковника Гуляева, срочно.

Через минуту дверь приоткрылась. — Товарищ полковник, вызывали?

Седых: — Входи, Леонид Сергеевич. Значит так. Светлану Петровну — в «безопасную квартиру», под круглосуточную охрану. Её сейчас охраняет ОМОН.

Гуляев: — Будет исполнено. Разрешите идти?

Седых: — Выполняйте. Гринёву — благодарность. Выставить охрану у его палаты. — Котов! Проверь всех бывших сотрудников силовых структур, имеющих проблемы со зрением. — Руденко! До ДНК мы ждать не можем. Ищи связь между Ивашовым и надписями на буклетах. Логист Ивашов должен был что-то туда везти. Или кого-то. Не забываем и про жертву 31 октября — нам до сих пор нужно в обязательном порядке установить её личность.

Седых посмотрел на Лаврина тяжёлым взглядом: — Он объявил нам шах, Дима. Если ещё прольется кровь — мы все будем в ответе. Следующее совещание через 48 часов. Доложить по выполненной работе по установлению личности предыдущей жертвы, по предыдущим заданиям и по событиям 9 ноября.

Евдокимов добавил, поднимаясь из-за стола: — По ночному инциденту: Лаврин, мне нужен подробный рапорт Гринёва, как только врач позволит следственные действия. Улики с места нападения — кровь, линзы, волос — держите на особом контроле у Седова. Все процессуальные санкции на выемку медицинских карт и запросы по оптикам оформлю немедленно. Работаем.

.Итог совещания.

Седых: — 13-ого на стадионе начинается детский турнир по шахматам «Белая ладья». Проверьте всех организаторов. Всех, кто имеет доступ к помещениям, складам, подсобкам. Ищите того, кто заказывал те самые наборы у Ивашова. Он где-то рядом.

— Понял.

— И ещё. У него разбит нос. Он может носить пластырь. Или маску — сославшись на грипп.

Седых посмотрел на часы: — Все свободны!

Оперативники поднялись почти одновременно. Каждый чувствовал: игра перешла в жесткую фазу.

Часть 3. Осада продолжается.

(10 ноября, вечер)

Софиты снова слепили, выхватывая из ноябрьской тьмы суровое, словно вырубленное из камня лицо полковника. Выкрики репортеров сливались в нестройный, агрессивный хор: — Это третья жертва? Вы признаете, что маньяк сменил график?! — Почему убийство произошло сегодня, а не в конце месяца? Милиция обещала безопасность! — Это правда, что у «Сладкого Рая» найден такой же буклет? Как вы объясните людям, что убийца до сих пор на свободе?!

Седых дождался короткой паузы и поднял руку. Жест был властным, и толпа мгновенно притихла, подавленная его спокойствием.

— Послушайте меня внимательно, — голос Седых разнёсся над площадью, лишённый официальной сухости, наполненный тяжёлой, мужской силой. — Я обращаюсь к вам не как чиновник к прессе, а как человек — и я уже говорил вам об этом — на которого возложена ответственность за жизни и спокойствие ваших семей, ваших близких, каждого жителя этого города.

Он сделал шаг к самому краю ступеней, буквально нависая над лесом микрофонов.

— Вы требуете подробностей. Вы гонитесь за сенсациями, придумываете громкие имена и смакуете слухи. Но я при-

зываю вас: остановитесь! Поймите меру своей ответственности. Каждое ваше слово, брошенное ради тиража или рейтинга — это искра в пороховом погребе. Паника — вот самый страшный союзник любого преступника. Она парализует разум, заставляет людей совершать ошибки и мешает нам выполнять свою работу.

Седых обвел толпу тяжелым, пронизывающим взглядом, задерживаясь на лицах самых крикливых журналистов.

— Ваша задача сегодня — не раздувать пожар страха, а спокойно и правильно освещать события. Будьте голосом разума, а не рупором истерики. Мы не скрываем правду — мы защищаем тайну следствия, чтобы убийца не читал о наших планах в ваших утренних газетах. Хотите помочь следствию? Призывайте людей к бдительности, к взаимовыручке, а не к хаосу!

Он на мгновение замолчал, и его голос стал еще жестче:

— Чтобы люди сами не совершали ошибок в своей безопасности: не ходили поодиночке в темное время суток, думали о своей защите. Поймите меня правильно: я не снимаю ответственности за жизни людей с милиции. Но я призываю граждан нашего города к осторожности! Чтобы они не жили по принципу «моя хата с краю», а помогали следствию. Даже мельчайшая, вроде бы незначительная деталь, сложенная с другими фактами, поможет нам схватить преступника. К сожалению, при опросах очевидцев многие до сих пор отворачивают взгляд, отвечая односложно: «не видел, не слышал,

я спал».

Седых выпрямился, чеканя каждое слово: — Помните: безопасность города — это наше общее дело. И ваше перо в этой битве — такое же оружие, как мой табельный пистолет.

В толпе воцарилась непривычная, тяжелая тишина. Даже самые настырные репортеры опустили диктофоны. Седых больше не ждал вопросов.

— Комментарии окончены, — отрезал он.

Полковник резко развернулся и скрылся за массивными дверями отдела. Тяжелый засов лязгнул, отсекая здание от улицы. Но в этот раз за дверью не было яростных выкриков. Слышался лишь приглушенный, озадаченный гул — Седых заставил их задуматься. Он переложил часть груза ответственности на их плечи, и этот груз оказался для прессы неожиданно тяжёлым.

12 ноября, 17:00. Кабинет начальника отдела милиции.

В кабинете стояла гнетущая тишина. Лаврин вошёл ровно в 17:00. В руках — папка с грифом «Срочно». В кабинете присутствовали все: Седых, Лаврин, Руденко, Седов, Агаев, Котов и Евдокимов, который внимательно изучал протоколы.

Седых: — Руденко, начнем с текущей обстановки по розыску. Что имеем по оперативной линии?

Руденко: — Товарищ полковник, докладываю: мы провели полную отработку сектора. Прочесали всех бывших со-

трудников силовых структур с дефектами зрения — безрезультатно. Агаев «закрыл» все больницы и травмпункты, по официальным каналам — пусто. Сейчас Агаев переориентирован на мониторинг аптек и частных клиник в районе порта. Идёт плотная работа по архивам — ищем связь Ивашова с книжными фондами, как советовал Седов.

Евдокимов: — Агаев, проверьте еще раз все частные аптечные сети. Если он лечился сам, он закупал антисептики, шовный материал и стерильные бинты в ночь с 9-го на 10-е. Это ваш приоритет.

Седых: — Лаврин, переходим к следственной части. Что по доказательной базе и эпизодам?

Лаврин: — Товарищ полковник, по покушению на свидетеля: состояние Гринёва стабильное, ранение плеча (восемь швов). Павел дал показания: нападавший действовал быстро, лицо скрыто. Преступник отчетливо произнес: «Цугцванг». Светлана Петровна сейчас в конспиративной квартире под охраной.

Евдокимов: — Лаврин, протокол допроса Гринёва мне на стол через час. Каждое слово про «Цугцванг» должно быть зафиксировано. Это квалифицирующий признак осознанного давления на свидетеля.

Лаврин: — Есть.. С места драки изъяты дужка очков и осколок линзы (диоптрии -3.25, астигматизм). Сейчас опрашиваем частные оптики города по индивидуальным заказам за последние полгода.

Седов: — Добавлю: ДНК-профиль напавшего подтвержден. Группа крови — вторая отрицательная. В базе совпадений нет. Но в образце крови я обнаружил микрочастицы специфического ингибитора коррозии, используемого при реставрации старых книг. Это связывает «Шахматиста» с архивами.

Евдокимов: — Седов, официально оформите эту связь как версию следствия. Это сузит круг поиска до сотрудников музейных фондов и архивариусов.

Руденко: — По девятому числу, кондитерская «Сладкий рай», потерпевший Ивашов. Оpozнание проведено вчера, жена опознала официально. Ограбление исключаем полностью: золотая печатка, часы и деньги остались при нём. Убийцу интересовал только сам Ивашов.

Лаврин: — Добавлю к этому: мы подняли старые архивы — Ивашов в юности был чемпионом области среди юниоров по шахматам. Жертва выбрана не случайно, это часть его логики.

Седых: — Снова шахматист... Но почему на этот раз удавка?

Руденко: — Полагаем, из-за габаритов жертвы, товарищ полковник. Ивашов весит под сто килограммов. Преступник решил действовать наверняка: вырубил ударом и задушил струной. Работа профессиональная, хладнокровная.

Седых: — Значит, «Цугцванг»? Он думает, что зажал нас в угол. Завтра, 13 ноября, открытие турнира «Белая ладья»

на «Авангарде». Лаврин, завтра на стадионе он может попытаться завершить партию.

Лаврин: — Я буду в гражданском, буду страховать Агаева из зала. Мы не дадим ему сделать ход.

Седых: — Действуй. Но если хоть один волос упадет с головы ребенка на этой «Белой ладье» — пеняй на себя. Руденко, продолжайте искать связь между Ивашовым, надписями на буклетах и тем, что он перевозил.

Евдокимов: — И последнее. До 13-го числа мне нужен полный отчет по установлению личности жертвы от 31 октября. Это «висяк», который тормозит всю серию. Работу по «Авангарду» координировать с мной.

Седых: — Все свободны.

Лаврин кивнул и вышел. Он понимал: завтра не просто турнир. Завтра — поле боя. И убийца уже сделал первый ход.

13 ноября. Утро. Стадион «Авангард».

Утро было холодным, прозрачным, с тонким инеем на металлических перилах. Стадион «Авангард» просыпался медленно — как будто не хотел впускать в себя шум и суету предстоящего турнира.

На входе уже стояли первые автобусы с детьми — аккуратные колонны школьников с рюкзаками, шахматными досками и термосами. Учителя суетились, проверяли списки, кто-то фотографировал на телефон.

Агаев стоял у служебного входа, в рабочей куртке техперсонала, с бейджем «Техническая служба». Рядом — двое его

ребят, такие же неприметные, как и он.

— Все на местах? — спросил он тихо. — Да. Склад, подсобки, коридоры, трибуны. — Камеры? — Проверили. Ничего подозрительного.

Агаев кивнул, но взгляд его был напряжённым. Он чувствовал, что сегодня — день, когда всё может сорваться.

Лаврин вошёл через центральный вход — в гражданском, в тёмной куртке, с шарфом, который скрывал нижнюю часть лица. Он растворился в толпе родителей, будто был одним из них.

Стадион гудел. Дети смеялись, кто-то спорил о дебюте, кто-то показывал другу новую доску. Шахматные столы стояли рядами, как маленькие поля боя.

Лаврин медленно прошёл вдоль рядов, взгляд цеплялся за лица: маски, шарфы, капюшоны, пластырь на переносице у одного мальчишки — но тот был слишком юн,

мужчина с маской — но это тренер, его узнали, женщина с тёмными очками — но возраст не тот.

Он чувствовал, как внутри растёт тревога. Не от того, что преступник может быть здесь. А от того, что его **нет**.

Агаев подошёл к нему незаметно, будто случайный прохожий.

— Проверили всех организаторов. Никто не подходит. — Курьеры? — Все на месте. — Подсобки?. Тот покупатель в маске — не здесь. — Камеры? — Пусто.

Ожидание и напряжение.

Зал постепенно заполнялся детьми. Маленькие шахматисты в отглаженных рубашках серьезно рассаживались за столы. Тихий стук передвигаемых фигур и щелчки шахматных часов начали заполнять пространство.

Агаев: — Дима, внимание. У третьего столика мужчина. Высокий, в сером плаще. Лицо чистое, но постоянно поправляет очки. Диоптрии вроде сильные.

Лаврин навел бинокль, спрятанный в газете. — Нет, Агаев. Это отец одного из пацанов. Слишком суетится, переживает. Наш — холодный. Наш будет сидеть как статуя.

3. Находка в туалете.

Прошло два часа. Первый тур подходил к концу. Никаких происшествий. Седых трижды звонил Лаврину, требуя отчета, но в зале царила тишина. И вдруг рация Агаева зашипела: — Дима, зайди в мужской туалет в восточном крыле. Живо. Здесь «подарок».

Лаврин сорвался с места. В туалете было пусто, только из крайней кабинки доносился неприятный запах. На полу, прямо у бачка, лежал скомканный бумажный пакет из аптеки. «Кедр», что у порта.

Агаев (указывая на пакет): — Смотри. Свежий. Внутри — пустая упаковка от стерильных бинтов и вскрытый флакон перекиси. И еще... — Агаев поднял пинцетом с пола маленький, пропитанный сукровицей ватный тампон. — Он был здесь. Минут пятнадцать назад. Перевязывался или менял пластырь.

Лаврин: — Тварь... Он прямо у нас под носом! Он в здании, Агаев!

4. Ход «Шахматиста».

Лаврин выскочил в коридор. Его взгляд упал на наградной пьедестал, подготовленный для финалистов. На верхней ступеньке, среди кубков, лежал предмет, которого там не должно было быть.

Маленькая шахматная фигура -- **Чёрная пешка.**

Лаврин подбежал, стараясь не касаться руками кубков.

Агаев: — Дима, смотри на пешку!

Лаврин присмотрелся. Основание черной пешки было испачкано чем-то рыжим. Это была не кровь. Это был **йод** или **марганцовка**. Убийца пометил фигуру антисептиком, которым только что обрабатывал свой разбитый нос.

Лаврин медленно выдохнул. — Он опять ушёл.

Агаев кивнул. — Да. Его нет.

Стадион жил своей жизнью — детской, шумной, светлой. Судьи объявляли начало первого тура. Дети рассаживались по местам. Родители занимали трибуны.

А Лаврин стоял в проходе и смотрел на всё это, чувствуя, как внутри холодеет.

Он ждал убийцу здесь. Он был уверен, что тот делает ход. Но убийца приходил и ушёл.

Это было непонятно. Зачем он приходил перевязанным, рискуя быть обнаруженным?

Потому что теперь: убийца знает, что его ждут, убийца ви-

дит все ходы, убийца меняет правила. Убийца играет дальше — но на другом поле.

Лаврин тихо сказал: — Он снова опередил нас.

Агаев сжал губы:— Значит, будет следующий ход. И не здесь.

Лаврин кивнул. — Да. И мы не знаем — где.

Стадион гудел, дети играли, солнце поднималось над трибунами. А в воздухе висело ощущение пустоты — той самой, которая появляется, когда враг не пришёл на поле боя.

И Лаврин понял: **убийца сделал ход, не проявивши себя. И это — самый опасный ход из всех.**

Часть 4. Омут по имени Любовь. Новая встреча.

Лаврин бережно принял из рук опера Агаева прозрачные пластиковые пакеты с вещественными доказательствами, собранными на стадионе.

— Я сам отнесу это Седову на экспертизу, — быстро сказал Дима, перехватывая пакеты поудобнее.

На самом деле, никакой необходимости бежать в лабораторию лично у него не было — можно было передать с дежурным. Но внутри Лаврина уже вовсю полыхал тайный, упрямый азарт. Сумасшедшая работа, бесконечные допросы и поиски улик за последние дни не оставляли ему ни единой свободной минуты. А сейчас у него в руках был железный, законный повод снова спуститься в подвальное крыло и увидеть её, Любу.

Дима на секунду прикрыл глаза. Перед ним тут же, как наяву, возник её образ: тонкий силуэт в белом халате, выбивающиеся из-под медицинской шапочки пряди и, главное, — глаза. Лаврин мысленно усмехнулся, поймав себя на глупом, совершенно не свойственном сыщику сравнении: он тонул в этих глазах. Нет, уже потонул. Они, как глубокий, тихий омут, затягивали его в бездну, которую сам он еще до конца не осознавал, но которая во всем мире называлась одним

коротким словом — «любовь».

Дима даже вздрогнул от неожиданности собственной мысли. *«И ведь её саму зовут Любой... — зашептал он про себя, пробуя это имя на вкус. — Люба. Любовь Павловна. Какое странное, сумасшедшее совпадение. Её имя Любовь и то самое чувство, о котором я только слышал от старших товарищей, читал в книжках да изредка видел в кино — они теперь сошлись в одной точке. Обе рядом».*

От этих мыслей Лаврин так глубоко ушёл в себя, а образ девушки настолько ослепил его, что на лестничном пролёте он напрочь потерял бдительность. Нога соскользнула с бетонного края, и Дима неминуемо полетел бы вниз, пересчитывая носом ступеньки, если бы его вовремя не схватил за локоть шедший следом Агаев.

— Опаньки! Тихо, Дима, приехали! — Агаев удивленно и подозрительно уставился на товарища. — Что с тобой, Лаврин? Ты чего средь бела дня на ровном месте засыпаешь? Земля из-под ног уходит?

— Ничего, — Дима резко встряхнул головой, прогоняя наваждение, и уши его снова предательски порозовели. — Всё нормально, оступился просто. Я сейчас... я быстро отнесу эти улики Седову. Он вырвал локоть и быстро направился в сторону лабораторного крыла, прижимая пакеты со стадиона к груди, словно величайшую ценность.

У двери лаборатории Дима остановился, восстанавливая дыхание и поправляя портупею. Постучал. Не дожидаясь от-

вета, толкнул дверь и зашёл. Седова в кабинете не было — эксперт, видимо, ушёл на очередное вскрытие. Зато за столом у окна сидела она. Люба.

Услышав шаги, девушка подняла голову от журналов учёта и мягко улыбнулась. У Лаврина внутри снова что-то со свистом перевернулось.

— А, Лаврин, здравствуйте, — Люба чуть прищурилась, и в её карих глазах заплясали озорные искорки. — Снова к нам? Игорь Михайлович в прозекторской, будет не скоро.

— З-здравствуйте, Любовь Павловна, — Дима проклял себя за этот заикающийся тон. Он сделал три деревянных шага к её столу и выложил пакеты. — А я не к нему. То есть, к нему, конечно, но... В общем, мы тут со стадиона образцы привезли. Срочно нужно на исследование. Следы текстильных волокон, возможно, частицы почвы с подошв подозреваемого.

Он протягивал ей пакеты, и в этот момент его пальцы случайно коснулись её прохладных, тонких пальцев. Лаврина словно током дёрнуло. Он мгновенно отдернул руку, опять заливаясь краской до самых корней волос.

Люба тихонько рассмеялась — этот большой, сильный следователь, гроза местных налётчиков, рядом с ней превращался в робкого первокурсника, и это было невероятно мило. Она аккуратно пододвинула к себе пакеты, глядя на него снизу вверх.

— Хорошо, товарищ Лаврин. Раз срочно — я сама ими

займусь, не буду ждать Седова. Опишу, сниму пробы.

— Спасибо... Вы очень выручите, — Дима переминался с ноги на ногу, отчаянно ища повод не уходить прямо сейчас. Его взгляд упал на её халат, на аккуратный воротничок. — Вы... вы, если что-то найдёте, сразу мне наберите в дежурку. Напрямую. Ладно?

— Обязательно наберу, Дима, — тихо и без казённых чинов ответила она, встретившись с ним прямым, теплым взглядом. А меня зовут Люба.

Лаврин глуповато улыбнулся, кивнул и, пятясь задом к двери, вымелся в коридор. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Железный механизм следователя Лаврина окончательно сломался. И чинить его он не хотел ни за какие коврижки.

14 ноября, 10:00. Кабинет начальника отдела милиции.

Лаврин докладывал Седых итоги операции «Белая ладья». В кабинете, как всегда, присутствовал Евдокимов — он не упускал ни одной детали, готовя доказательную базу для будущего обвинения.

Лаврин: — Товарищ полковник, докладываю: вчера на стадионе всё прошло без происшествий. Однако преступник там был. В туалете обнаружены следы крови и марлевая повязка. Он знал, что его ждали. Приходил, чтобы перевязаться, рискуя быть обнаруженным. Он снова на шаг впереди.

С этими словами Лаврин вытащил из папки документ и

положил его на стол перед прокурорским следователем: — Арсений Валентинович, как вы и требовали. Здесь копия официального протокола допроса Гринёва по ночному нападению на свидетельницу. Каждое слово зафиксировано, включая упоминание слова «Цугцванг».

Евдокимов взял бумаги, быстро пробежал глазами текст и кивнул: — Принято. Приобщу к материалам дела. По стадиону: все образцы крови и повязки из туалета — немедленно к Седову на анализ. Если он там был, значит, оставил нам еще одну улику. Это не просто дерзость, это вызов следствию.

Седых сжал губы: — Значит, будет следующий ход. И не здесь.

Лаврин: — Так точно. И мы не знаем, где именно. Оперативно-розыскные действия продолжаются.

Евдокимов: — Держите меня в курсе каждого шага. Любое действие на стадионе, если бы оно привело к задержанию, потребовало бы безупречного оформления. Лаврин, продолжайте работу в плотной связке с прокуратурой.

Больничная палата. 21 ноября.

Перед дверью палаты сидели два бойца ОМОНа. Внутри пахло хлоркой. Гринёв, бледный, но уже не «температурный», сидел на койке с газетами. Увидев Лаврина с пакетом мандаринов, он сразу нахмурился, почуяв новости.

— Живой? — Лаврин бросил пакет на тумбочку. — Кисну, — буркнул Гринёв. — Ты мне зубы не заговаривай. Что там ребята? Что по «буклетам»? Что Евдокимов с Седых?

Лаврин присел на край стула: — Давит Седых. А Евдокимов требует отчёты по каждому движению. Ноябрьский «глухарь» превратился в серию. Нашли Ивашова — точный удар, струна. И снова буклет, буква «Ф» подчеркнута. Подозреваемого нет, но Евдокимов лично контролирует запросы по всем библиотекам и архивам из-за той экспертизы Седова по ингибитору коррозии.

Гринёв подался вперед: — «Ф»? Значит, следующая точка на «Ф» в декабре? Лаврин, ты же понимаешь, это может быть что угодно: Фабрика, фотография... — Мы думаем на магазин «Подарки», куда Ивашов шахматы поставлял, — ответил Лаврин. — Но пока глухо. Следов практически не оставляет, кроме разбитых тобой очков и окровавленного его носа. Молодец, кстати. Жаль только, пострадал.

Гринёв сжал кулак: — Да ладно, какой я герой. Не смог его задержать. Гад, сильный, натренированный. Слушай, Лаврин... подпиши у главврача, что я в норме. Врач обещал выписать числа 10-15 декабря, но я не выдержу. Я почти здоров.

Лаврин подал ему апельсин: — Ну вот видишь. Здоров он. Рано ещё.

Гринёв протянул руку и поморщился от боли в плече. — А если он ударит раньше? — Гринёв не унимался. — Я должен быть там. Котов молодой, Агаев горячий, они периметр не удержат — зеваки всё затопчут. Меня этот «шахматист» зацепил, понимаешь? Партию он ведёт... Ну-ну. Давай,

Лаврин, колись: что ещё накопили по чернилам?

Лаврин усмехнулся. Он знал, что Гринёва лечат не таблетки, а работа. И именно этот разговор в палате стал для Павла тем самым стимулом, благодаря которому 24 декабря он стоял у магазина «Подарки» как скала, не пропуская ни одной лишней души.

Две недели оперативно- розыскной работы пролетели как один день

30 ноября, 17:00. Кабинет Седых.

Ход выполнения поручений (Ноябрь).

В кабинете начальника милиции стоял густой табачный дым. На доске висели схемы, фотографии с мест происшествий и вырезки из газет. Прокурорский следователь Евдокимов сидел за приставным столом, положив перед собой папку с материалами надзора, и внимательно слушал докладчиков.

Агаев: — По «консультанту» у нас появилась зацепка, товарищ полковник. Мастер из парикмахерской опознал его по фотороботу — тот заходил подровнять виски за день до убийства Ивашова. Вышел и сел в чёрную иномарку. Цифры номера, что успел черкнуть Гринёв: ...48-21.

Пробили номер по базе ГАИ. Владелец — Марков Игорь Семенович, пенсионер, 1945 года рождения, живет на другом конце города. Но Марков утверждает, что его машина полгода стоит в гараже со спущенными колёсами. Мы выехали, проверили — всё так и есть. Вывод: номера — «двойни-

ки». Убийца использует фальшивые знаки на аналогичном авто.

Евдокимов (не поднимая глаз от бумаг): — Все постановления на изъятие архивных учетных карточек по этим машинам должны быть у меня в прокуратуре до конца недели. Проверьте владельцев аналогичных авто, снятых с учета за последний год.

Агаев: — Есть. И по снимку машины, что засекли камеры у «Лакомки» — это тот же чёрный седан. Водитель на фото в кепке, лица не видно. Настоящий владелец этих номеров — Воронов С.А., он написал заявление об угоне еще месяц назад, когда был в командировке в Новосибирске. Проверили: билеты, чеки, отметки в командировочном — алиби железное. Машина в розыске, но пока как сквозь

Евдокимов (не поднимая глаз от бумаг): — Все постановления на изъятие архивных учетных карточек по этим машинам должны быть у меня в прокуратуре до конца недели. Проверьте владельцев аналогичных авто, снятых с учета за последний год.

По определению личности второй жертвы. (Жертва от 31 октября).

Отработка места и камер: Камеры за 29–31 октября дают мало: район технический, освещение слабое. Однако на одной из записей с погрузочной платформы соседнего склада мелькает силуэт — человек в яркой куртке, который явно не ориентируется на местности.

Стоматология и клиники: Запросы в частные клиники приносят результат. Выясняется, что за неделю до смерти мужчина обращался в дежурную стоматологию с острой болью. В карточке указаны липовые данные, но остался панорамный снимок челюсти.

Решающий этап: Оpozнание по фото. «Прогнали» фото не только по базе МВД, но и по региональным пaбликам поиска людей и узкопрофильным форумам. Через два дня приходит отклик от администратора группы «Поиск-М». Его опознали по фото... Это **Григорий Маркович Штерн**.

Профессия: Он был бывшим сотрудником типографии или корректором в небольшом издательстве (что в будущем свяжет его с темой «буклетов» и «подчеркнутых букв»).

Статус: Семьи нет, жил один, поэтому хватились не сразу.

Странность: При обыске в его квартире Лаврин находит стопки старых рекламных проспектов, аккуратно рассортированных по датам, но никакой связи с «хозтоварами», где его нашли, нет.

Седых: — По октябрьскому трупу у хозмага. Почему его никто не разыскивал целый месяц? Родственников нашли?

Гринёв: — Нашли, товарищ полковник. Но ситуация непростая. Жил один, родители умерли три года назад. Работал удаленно корректором в небольшом издательстве — правил тексты на дому. Издатель думал, что Штерн просто

«в завязке» или в депрессии, они привыкли к его необщительности. Забили тревогу только тогда, когда хозяин съемной квартиры не смог до него дозвониться из-за оплаты.

Седых: — Кто на опознание приходил?

Гринёв: — Нашли двоюродную сестру из пригорода. Она его пять лет не видела, всё это время только открытками на праздники обменивались. Оповещали её по телефону, она сначала не верила, думала — мошенники.

Седых: — Как прошло опознание?

Гринёв: — Тяжело, Андрей Петрович... Месяц в морге для корректора, у которого и так здоровья было немного... Седов запретил прямой контакт. Показывали вещи: очки с толстыми линзами, старый потертый блокнот с карандашом, который у него в кармане был, и ключи с брелоком в виде шахматной ладьи.

Седых: — Ладья? Значит, снова наш след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.